

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

Лучший американский автор
детективной прозы
по версии «Нью-Йорк таймс»

**ХАРЛАН
КОБЕН**

**МАЛЬЧИК
ИЗ ЛЕСА**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Харлан Кобен

Мальчик из леса

Серия «Звезды мирового детектива»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67322036
Мальчик из леса: Азбука-Амтикус; СПб; 2022
ISBN 978-5-389-20991-6

Аннотация

Если ты не способен постоять за себя, будь готов к издевательствам и насмешкам. Если смошенничал в игре, помни, что тайное всегда становится явным. Если спрятался, знай, что тебя найдут. Если ты политик, не забывай: у тебя полно врагов. Если ты добыл компромат на кандидата в президенты, будь готов к тому, что тебе пришлют отрезанный палец твоего ребенка. Уайлд, чье прошлое – загадка для всех, включая его самого, уже давно порвал с обществом и поселился в лесу. Но однажды к нему приходят с просьбой, на которую он не может ответить отказом. На его счастье, он не простой отшельник. Он прошел военную подготовку и обладает весьма специфическими навыками. И они обязательно пригодятся в борьбе, где на кон поставлены миллионы человеческих судеб.

Впервые на русском!

Содержание

Часть первая	8
Глава первая	8
Глава вторая	12
Глава третья	21
Глава четвертая	34
Глава пятая	49
Глава шестая	64
Глава седьмая	82
Глава восьмая	93
Глава девятая	108
Глава десятая	119
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Харлан Кобен

Мальчик из леса

© А. С. Полошак, перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

* * *

*Бену Севьеру,
редактору и другу
Двенадцать книг, и еще не вечер*

Из «Норт джерси газетт» 18 апреля 1986 г.

В ЛЕСУ НАЙДЕН ДИКИЙ МАЛЬЧИК

История «Маугли из Уэствилла» окутана тайной

Уэствилл, Нью-Джерси

Пожалуй, самое диковинное происшествие последних лет: неподалеку от Уэствилла в государственном заповеднике Рамапо-Маунтин найден одичавший мальчик возрастом от шести до восьми лет. Что еще более странно, власти понятия не имеют, чей это ребенок и как давно он живет в лесу без взрослых.

«Прямо как Маугли из „Книги джунглей“», — удивляется Орен Кармайкл, заместитель шефа полиции Уэствилла.

Мальчик говорит по-английски и понимает человеческую речь, но не помнит своего имени. Первыми ребенка заметили Дон и Лесли Кац, туристы из Клифтона, Нью-Джерси. «Мы собирали мусор после пикника и вдруг слышали шорох, — говорит мистер

Кац. – Сперва я решил, что в кустах медведь. Сам собой, испугался. Но потом мы увидели бегущего мальчишку – ясно, как на ладони».

Через три часа сотрудники заповедника и местной полиции нашли ребенка – оборвыша, кожа да кости – на импровизированной палаточной стоянке. «Нам не удалось выяснить, как долго он пробыл в заповеднике и как туда попал, – говорит начальник полиции государственного заповедника Тони Оригемма. – Он не помнит ни мать с отцом, ни других взрослых. Мы разослали запросы по всем силовым структурам, но пока что без толку: о пропавших мальчиках такого возраста и с похожей внешностью никто не заявлял».

За последний год туристы не раз сообщали, что видели в заповеднике Рамапо-Маунтин «одичавшего мальчика», или «Тарзанчика», подходящего под описание найденного ребенка, но до недавнего времени к подобным свидетельствам относились как к городской легенде.

Джеймс Миньоне, турист из Морристауна, Нью-Джерси, говорит: «Такое впечатление, что мать родила парня в лесу да там и бросила».

«Не припомню такой странной находки, – говорит начальник полиции заповедника Тони Оригемма. – Непонятно, как давно ребенок живет в лесу: несколько дней, недель или месяцев. Или даже лет, будь я неладен».

Если вы располагаете информацией об этом мальчике, непременно свяжитесь с департаментом

полиции Уэствилла.

«Наверняка кто-то что-нибудь да знает, – говорит заместитель шефа полиции Кармайкл. – Ведь мальчик не возник из ниоткуда. Так не бывает».

Часть первая

Глава первая

23 апреля 2020 года

Как она только терпит?

Как терпит эту пытку каждый божий день?

Изо дня в день. Из недели в неделю. Из года в год.

Она сидит в школьном актовом зале, не мигая смотрит в одну точку, прямо перед собой, но ничего не видит. Ее тело словно каменное изваяние. Лицо словно каменная маска. Она просто смотрит прямо перед собой.

Вокруг одноклассники, но она никого не видит, даже Мэтью. Ее дергают, но она не отвечает, а ее все равно дергают. Пацаны – Райан, Крах (да, это имя, а не кличка), Тревор, Картер – обзываются, шепчут на ухо всякие гадости, дразнят, хохочут презрительно. Могут и швырнуть чем-нибудь – то скрепкой, то резинкой, то козявкой из носа. Рвут бумагу, жуют обрывки, чтобы получились мокрые шарики, и запускают в нее этими шариками то оттуда, то отсюда.

Если шарик застрял в волосах, пацанам еще смешнее.

Девочка сидит, словно изваяние, а зовут ее Наоми. Не стряхивает с волос бумажные шарики, лишь смотрит в одну точку. Никаких слез на глазах. Мэтью помнит, что па-

ру-тройку лет назад, когда ее дразнили бесконечно и безжалостно, в глазах у нее стояли слезы.

Но это в прошлом.

Мэтью смотрит со стороны. Не вмешивается.

Учителя уже привыкли, почти не обращают внимания. Один ворчит утомленно: «Ладно тебе, Крах, заканчивай», но и Крах, и остальные пропускают это замечание мимо ушей.

Наоми тем временем сидит, словно каменное изваяние, сидит и терпит.

Надо бы положить этому конец. Но Мэтью не вмешивается. Однажды уже вмешался, хватит с него.

Ничем хорошим это не закончилось.

Мэтью вспоминает тот момент, когда Наоми впала в немилость. Ведь в начальной школе это была нормальная веселая девочка. Вечно улыбалась, Мэтью как сейчас помнит. Ну да, донашивала чужую одежду и голову мыла через раз. Девчонки ее за это поддразнивали, но слегка. Все было нормально, пока однажды ей не стало совсем худо, пока ее не вырвало на уроке у миссис Уолш, в четвертом классе, вырвало так, что струя отрикошетила от линолеума, осыпала Кима Роджерса и Тейлора Расселла бурными брызгами, а вонь стояла такая невыносимая, что миссис Уолш велела всем выйти из кабинета, всем, включая Мэтью, и все, зажав носы, с криками «Фу-у!» выбежали на кикбольшое поле.

В тот день жизнь Наоми изменилась раз и навсегда.

Мэтью то и дело вспоминал тот день. Ей что, нездорови-

лось? Отец что – к тому времени мамы у Наоми уже не было, – выгнал ее в школу? Останься она дома, может, ничего и не было бы? Может, все дело в той рвоте, или Наоми полюбому свернула бы на эту темную ухабистую дорожку и тащи́лась бы по ней, принимая муки?

Снова бумажный шарик в волосах. Снова оскорбления. Снова глумеж и насмешки.

Наоми сидит и ждет, когда все это закончится.

Хоть ненадолго, но закончится. Хоть на сегодня. Она же знает, что это не закончится насовсем. Ни сегодня. Ни завтра. У мучений бывают паузы, но недолгие. Мучения идут с ней рука об руку.

Как она только терпит?

Иной раз – например, сегодня – Мэтью и правда за всем наблюдает. Хочет как-нибудь помочь.

В остальные же дни, а таких большинство, ему все равно. Ясное дело, в те дни Наоми донимают не меньше, но это происходит так часто, выглядит так буднично, что воспринимается как фоновый шум. Мэтью уже успел познать неприглядную истину: к жестокости вырабатывается иммунитет. Жестокость становится нормой. Ты принимаешь ее как должное и живешь себе дальше.

А что Наоми? Что, тоже приняла ее как должное? У Наоми тоже выработался иммунитет?

Этого Мэтью не знает. Но Наоми изо дня в день приходит в школу, в классе сидит за последней партой, в актовом зале

– в первом ряду, в столовой – за угловым столиком, и никто к ней не подсаживается.

А однажды – через неделю после этого собрания – она не придет.

Однажды Наоми исчезнет.

И Мэтью захочет узнать почему.

Глава вторая

– По нему тюрьма плачет, без вопросов, – заявил в прямом эфире специально приглашенный эксперт-хипстер.

Собравшись парировать этот выпад, Хестер Краймштейн краем глаза заметила за студийными софитами парня, похожего на ее внука. Свет был яркий, а парень стоял за ним, в тени, но все равно чертовски смахивал на Мэтью.

– Э-э, смелое заявление, – сказал ведущий, в прошлом весьма симпатичный выпускник дорогой частной школы. В эфире он обычно делал озадаченное лицо, словно гости его передачи несли откровенную чушь, даже когда говорили здравые вещи. Таков был его основной полемический прием. – Что скажете, Хестер? – Вид Мэтью – сто процентов, это Мэтью – выбил ее из колеи. – Хестер?

Так, напомнила она себе, сейчас не время отвлекаться. Соберись.

– Вы омерзительны, – сказала Хестер.

– Простите?

– Вы не глухой. – Она прожгла эксперта-хипстера своим знаменитым взглядом. – Вы омерзительны.

Зачем явился Мэтью?

Раньше внук никогда не приходил к ней на работу без предупреждения – ни в кабинет, ни в суд, ни в телестудию.

– Вы не могли бы развить свою мысль? – спросил веду-

щий.

– Запросто, – ответила Хестер, не сводя пламенеющего взгляда с эксперта-хипстера. – Вы ненавидите Америку.

– Чего?

– И правда, – продолжала Хестер, воздев руки, – зачем нам какая-то судебная система? Какой от нее толк, когда есть общественное мнение? Не нужно ни судьи, ни присяжных. Пусть решение принимает толпа из «Твиттера».

Эксперт-хипстер сел ровнее.

– Я так не говорил.

– Именно так вы и сказали.

– Есть улики, Хестер. Четкое и ясное видео.

– У-у-у, видео! – Она пошевелила в воздухе пальцами, словно речь зашла о привидении. – Опять двадцать пять: не нужно ни судьи, ни присяжных. Хватит толпы из «Твиттера». Под вашим благожелательным руководством.

– Я не...

– Цыц! Дайте договорить. Ох, прошу прощения, забыла, как вас зовут. Про себя я называю вас «эксперт-хипстер», а вслух буду называть «пижоном» – ладно, пижон? – Эксперт-хипстер открыл было рот, но Хестер не умолкала. – Вот и славно. Скажите, пижон, какое, по вашему мнению, наказание будет справедливым для моего клиента? Раз уж вы взялись судить, виновен он или нет, давайте заодно и приговор.

– Меня зовут, – хипстер поправил хипстерские очки, – Рик. И все мы видели запись. Ваш клиент ударил человека

по лицу.

– Спасибо за столь дотошное расследование. Знаете, что было бы здорово, пижон?

– Меня зовут Рик.

– Рик, пижон – без разницы. Было бы здорово, реально здорово, если бы вы со всей своей толпой стали принимать решения вместо нас. Прикиньте, какая экономия времени. Выкладывали бы видео в соцсети, смотрели бы комментарии и решали, виновен человек или нет. Смотря чего больше, лайков или дизлайков. Не нужно ни свидетелей, ни показаний, ни улики. Хватит одного судьи, пижона Рика.

Эксперт-хипстер начинал краснеть.

– Все видели, как ваш богатый клиент поступил с тем беднягой.

– Прежде чем продолжить, – вмешался ведущий, – давайте еще раз покажем видео. Для тех, кто смотрит нас не с самого начала.

Хестер хотела было возразить, но этот ролик крутили уже бесчисленное множество раз и будут крутить снова и снова, и если выразить протест, она, во-первых, ничего не добьется, а во-вторых, ее клиент, обеспеченный финансовый консультант по имени Саймон Грин, будет выглядеть еще более виновным.

И, что самое важное, на эти несколько секунд Хестер исчезнет с телеэкранов. А это значит, можно будет поискать глазами Мэтью.

Вирусное видео – четыре миллиона просмотров, и это лишь для начала, – снял на свой айфон какой-то турист в Центральном парке. На экране клиент Хестер, Саймон Грин, в идеально сидящем костюме под стать галстуку фирмы «Гермес», завязанному на идеальный виндзорский узел, поднимал кулак и бил по лицу босоногого растрепанного юношу, наркомана по имени Аарон Корваль.

Из носа у Корваля хлынула кровь.

Картина была поистине диккенсовская – мистер Привилегированный Богатей ни с того ни с сего наносит подлый удар Бедному Беспризорику.

Хестер, вытянув шею, бросила быстрый взгляд за студийные софиты, на Мэтью, пытаясь заглянуть ему в глаза. Ее часто приглашали в новости на кабельный канал исполнять роль эксперта по правовым вопросам, а дважды в неделю «знаменитый адвокат» Хестер Краймштейн вела на том же канале собственную передачу под названием «Краймштейн и криминал». Фамилия ее была не вполне созвучна слову «криминал», но руководство решило, что в бегущей строке такое название выглядит в достаточной мере «телегенично», да и звучит весьма цепко. На том и порешили.

Внук ее стоял в тени. Хестер видела, что Мэтью места не находит своим рукам – так же как его отец. Глубоко в груди у нее кольнуло, на мгновение стало нечем дышать. Она подумала, не стоит ли по-быстрому подойти к Мэтью и узнать, зачем он пришел, но видеоролик уже закончился, и пижони-

стый хипстер Рик бил копытом и рвался в бой.

– Видели? – С губ его слетела капля слюны и нашла пристанище у него в бороде. – Все яснее ясного. Ваш богатый клиент без причины набросился на бездомного.

– Вы не знаете, что там было до начала записи.

– Не вижу разницы.

– А она есть. Именно для этого нам нужна система правосудия. Чтобы бдительные граждане вроде вас не сбились в стаю и не отправились линчевать невинного человека.

– Ого, линчевать? Разве я такое говорил?

– Еще как говорили. Признайте уже. Вы хотите, чтобы моего клиента, отца троих детей, человека без уголовного прошлого, немедленно бросили за решетку. Без суда и следствия. Ну же, пижон Рик, не сдерживайтесь, выпустите на волю своего внутреннего фашиста. – Хестер забарабанила по столу, напугав ведущего, и принялась нараспев декламировать: – За ре-шет-ку, за ре-шет-ку!

– Перестаньте!

– За ре-шет-ку!

Хипстера пронял этот речитатив. Лицо его побагровело.

– Я вовсе не об этом. Вы нарочно делаете из мухи слона.

– За ре-шет-ку!

– Хватит. Я не призываю бросить его за решетку.

У Хестер был особый дар: она умела говорить на разные голоса и нередко пользовалась этим даром в зале суда, чтобы тонко – а иной раз и не очень тонко – подложить свинью

прокурору. Ловко пародируя пижона Рика, она дословно повторила его фразу:

– По нему тюрьма плачет, без вопросов.

– Это уж как суд решит, – сказал пижонистый хипстер Рик, – но допускаю, что, если человек так себя ведет, если он при свете дня бьет других людей по лицу, его нужно наказывать. Например, уволить с работы.

– Почему это? Потому что так сказали в «Твиттере» – вы, Гигиена-полости-рта и Ноготки-для-дам-шестьдесят-девять? Вы же не знаете, как все было. Даже не знаете, настоящая ли это запись.

Ведущий изогнул бровь:

– Хотите сказать, что видео поддельное?

– Вполне может быть. Вот смотрите, был у меня другой клиент, женщина. Ее довольное лицо прифотошопили к картинке с мертвым жирафом и подписали: вот, мол, охотница застрелила жирафа. Дело рук ее бывшего мужа, он решил ей за что-то отомстить. Представляете, какой ушат грязи на нее выплеснули?

Неправда, конечно, – Хестер только что выдумала эту историю, – но такое вполне могло случиться. Иногда этого было достаточно.

– Где сейчас ваш клиент Саймон Грин? – спросил пижонистый хипстер Рик.

– А это вы к чему приплели?

– Он дома, верно? Вышел под залог.

– Он невиновен. И он прекрасный человек, достойный отец семейства...

– И богач.

– Что, теперь хотите отказаться от системы выхода под залог?

– Белый богач.

– Вот послушайте, пижон Рик, мне уже ясно, что вы человек «бдительный» и все такое и у вас крутая борода и хипстерская шапочка, – кстати, это Кангол? – но в поисках легких ответов вы затрагиваете расовый вопрос. А любой, кто затрагивает расовый вопрос, выглядит весьма бледно.

– Э-э, не отклоняйтесь от темы...

– Нет, сынок, я не отклоняюсь, так что молчи и слушай. Разве непонятно, что это вопрос ненависти? Разве неясно, что ты уподобляешься расистам?

– Взгляните на дело под другим углом, – сказал пижон Рик. – Будь Саймон Грин чернокожим бедняком, а Аарон Корваль – богатым белым...

– Они оба белые. Не переводите разговор в расовую плоскость.

– Расовая плоскость – это основа основ, ну да ладно. Если оборванец ударит белого человека в костюме, Хестер Краймштейн не будет его защищать. И этот оборванец мигом окажется в тюрьме.

«Хм, – подумала Хестер. – А Рик-то парень не промах, даром что пижон».

– Хестер? – окликнул ее ведущий.

Время передачи заканчивалось, поэтому Хестер всплеснула руками:

– Если пижон Рик говорит, что я отличный адвокат, кто я такая, чтобы ему перечить?

В зале засмеялись.

– И наше время подошло к концу. Далее в нашей программе: последние споры вокруг Расти Эггерса, новичка в политике, но уже кандидата в президенты. Какой он – практичный или безжалостный? Правда ли, что он самый опасный человек в Америке? Не переключайтесь на другой канал.

Хестер вынула наушники и отцепила микрофон. Когда пустили рекламный блок, она встала и направилась в другой конец студии, к Мэтью. Какой же он высокий, снова стал похож на отца. В груди опять кольнуло, на сей раз сильнее.

– Как мама? – спросила Хестер.

– Нормально, – ответил Мэтью. – У всех все нормально.

Хестер не сдержалась. Обняла подростка (тот, наверное, смутился), сдавила его так, что чуть кости не затрещали, хотя росту в ней было всего лишь пять футов два дюйма и Мэтью перерос ее почти на фут. Все яснее и яснее она видела в нем черты его отца. В детстве Мэтью был не особенно похож на Дэвида, когда тот был еще жив. Теперь же – стать, походка, беспокойные руки, морщинка на лбу... Сердце Хестер заходило снова и снова. Зря, конечно. Ей бы радоваться, что во внуке эхом отзывается ее сын, словно частичка Дэви-

да пережила ту аварию. Но вместо этого призрачные когти рвали ей душу, раздирали старые раны спустя столько лет, и Хестер все думала, стоит ли терпеть эту боль. Может, не стоит ее терпеть? Вопрос, конечно, риторический. Выбора у нее не было, да и не нужен ей был тот выбор. Отказаться терпеть эту боль, покончить с ней однажды, пожалуй, худшее из предательств.

И поэтому она, крепко зажмурившись, обнимала внука. Тот похлопал ее по спине, словно хотел приободрить.

– Бабуль? – Так он ее называл. Бабуль. – Ты в норме?

– Не жалуюсь.

Кожа у Мэтью была темнее, чем у отца. Мать его, Лейла, была чернокожая, и Мэтью похож был на чернокожего, или на цветного, или на дитя смешанного брака, или как их там теперь называют. Возрастом, конечно, не прикроешься, но Хестер было за семьдесят, хоть она и говорила всем, что перестала считать годы, когда ей стукнуло шестьдесят девять, – ха-ха, ну давайте, шутите свои шутки, будто я их не слышала, – и ей было уже непросто следить за новыми веяниями в терминологии.

– Где мама? – спросила Хестер.

– Наверное, на работе.

– Что стряслось? – спросила Хестер.

– Есть у меня одноклассница, – ответил Мэтью.

– И что?

– И она пропала, бабуль. Нужна твоя помощь.

Глава третья

– Ее зовут Наоми Пайн, – сказал Мэтью.

Они устроились на заднем сиденье «кадиллака-эскалейд» – машины Хестер. Сюда Мэтью приехал на поезде (час из Уэствилла с пересадкой на вокзале Фрэнка Лаутенберга в Секокусе), но Хестер решила, что проще – и правильнее – будет отвезти его в Уэствилл на машине. Она уже давно там не была, целый месяц. Поможет вконец расстроенному внуку с его проблемой, а заодно проведет некоторое время с ним и его мамой. Убьет двух зайцев одним выстрелом. Или, как еще говорят, двух птиц одним камнем. Хотя, если задуматься, картина получается странная и жестокая: бросаешь камень, убиваешь двух птиц – и с какой стати это хорошо?

Вот он я, бросаю камень в красивую птицу. Но зачем? Зачем человеку бросаться камнями в птиц? Понятия не имею. Наверное, я психопат. Гляньте, сбил двух одним камнем! Ура! Две мертвые птицы!

– Бабуль?

– Эта твоя Наоми. – Хестер отвлеклась от пустой внутренней болтовни. – Вы с ней дружите?

Мэтью пожал плечами – так, как умеют только подростки.

– Знаю ее где-то лет с шести.

Ответ уклончивый, ну да ладно.

– Как давно она пропала?

– Где-то с неделю.

Где-то лет с шести. Где-то с неделю. Эти «где-то» и «типа» ее подбешивали, но сейчас было не время читать нотации.

– Не пробовал ей позвонить?

– У меня нет ее телефона.

– Полиция ее ищет? – Подросток пожал плечами. – С родителями ее говорил?

– Она живет с папой.

– С папой ее говорил?

Он скроил такую физиономию, словно в жизни не слышал более нелепого вопроса.

– Так откуда знаешь, что она не заболела? Не уехала на отдых или что-то в этом роде?

Нет ответа.

– С чего ты решил, что она пропала?

Мэтью молча смотрел в окно. Тим, шофер Хестер с незапамятных времен, свернул с Семнадцатого шоссе к центру Уэствилла, штат Нью-Джерси, милях в тридцати от Манхэттена. В поле зрения появились горы Рамапо, по сути – часть Аппалачских гор. Как всегда, нахлынули воспоминания. В груди снова кольнуло.

Однажды кто-то сказал Хестер, что от воспоминаний бывает больно. От хороших – большее всего. С возрастом Хестер поняла, что это чистая правда.

Хестер с покойным мужем – Айра умер семь лет назад – воспитали троих сыновей в так называемой «горной местно-

сти» Уэствилла, штат Нью-Джерси. Старший сын, Джефффри, переехал в Лос-Анджелес, работал стоматологом и жил с четвертой женой, риелторшей по имени Сэнди. Она выгодно отличалась от остальных жен Джефффри: все трое в свое время работали у него в кабинете медсестрами-гигиенистками и были слишком уж молоды. Это прогресс, надеялась Хестер. Средний сын, Эрик, пошел по стопам отца и с головой нырнул в туманный мир финансовых операций. Хестер никогда не понимала, чем занимаются ее муж и сын. Вроде как перемещают крупные суммы денег из точки А в точку Б, чтобы срубить свой процент в точке В. У Эрика была жена по имени Стейси и трое мальчиков с разницей в два года – так же как у Айры и Хестер. Семья недавно переехала в Северную Каролину, в Роли. В последнее время этот город стал необычайно популярен.

Младшего сына, отца Мэтью, звали Дэвид. Сказать по правде, Хестер любила его больше остальных сыновей.

– Во сколько вернется мама? – спросила Хестер.

Мать Мэтью, Лейла, работала в крупной юридической фирме. В отличие от бабушки Хестер, она специализировалась на семейном праве. Начала карьеру помощницей Хестер, подрабатывала у нее летом, когда училась в юридическом колледже округа Колумбия. Там Лейла и познакомилась с Дэвидом.

Они влюбились почти сразу. Поженились. Когда родился сын, назвали его Мэтью.

– Не знаю, – ответил Мэтью. – Написать ей эсэмэску?

– Напиши.

– Бабуль?

– Что, милый?

– Только маме не рассказывай.

– О чем?

– О Наоми.

– Почему нет?

– Просто не рассказывай, ладно?

– Ладно.

– Обещаешь?

– Хватит, – сказала Хестер чуть резче, чем нужно. Ну почему Мэтью всегда напрашивается на такой тон? И добавила, смягчившись: – Обещаю. Конечно обещаю.

Мэтью начал возиться с телефоном, а Тим продолжал ехать знакомой дорогой. Свернул направо, налево, направо, еще раз направо, и «кадиллак» оказался в сказочном тупичке под названием Даунинг-лейн. Впереди был огромный бревенчатый дом. Его построили Хестер с Айрой сорок два года назад. Здесь они воспитали Джефффри, Эрика и Дэвида, а через пятнадцать лет, когда сыновья выросли, Хестер с Айрой решили, что пора уезжать из Уэствилла. Оба любили свой дом у подножия гор Рамапо, но Айра его просто обожал, потому что, господи помоги, Айре нравилось бывать на свежем воздухе, ходить в походы, рыбачить – короче говоря, нравилось все, что не должно нравиться человеку по имени Ай-

ра Краймштейн. Но пришло время двигаться дальше. Местечки вроде Уэствилла отлично подходят для воспитания детей. Играешь свадьбу, уезжаешь из города, нянчишься с малышами, возишь их в футбольную секцию, в танцевальный кружок, переживаешь, когда они заканчивают очередной класс, а потом и школу, поступают в колледж, приезжают в гости, чтобы отоспаться, а потом не приезжают вовсе, а ты сидишь вдвоем с мужем, и оба вы понимаете: пора перевернуть эту страницу жизни, как и все остальные, оставить все в прошлом, продать дом другой молодой паре из города, пусть воспитывают своих малышей, а нам пора начинать с чистого листа.

Когда становишься старше, в местечках вроде Уэствилла тебе делать нечего. И это вполне нормально.

Сказано – сделано. Айра с Хестер подыскали отличную квартирку в Манхэттене, в Верхнем Вест-Сайде, на Риверсайд-драйв, с видом на Гудзон. Почти тридцать лет они ездили в город на том же поезде, на котором сегодня приехал Мэтью, разве что пересаживались тогда в Хобокене. Теперь же можно было проснуться и дойти до работы пешком или по-быстрому доехать на метро. Настоящий рай на старости лет.

Хестер и Айра были в восторге от переезда в Нью-Йорк. Что же касается бревенчатого дома на Даунинг-лейн, в итоге они продали его своему сыну Дэвиду и его умнице Лейле, только что родившей мужу первенца, Мэтью. Хестер

думала, что Дэвиду будет как-то странно жить в родительском доме, но сын заявил, что такое жилье идеально подходит для создания собственной семьи. Они с Лейлой сделали капитальный ремонт, наложили на дом собственную печать, и Хестер с Айрой, приезжая в гости, не узнавали своих компанат.

Мэтью все еще смотрел в телефон. Хестер коснулась его колена. Он оторвался от экрана.

– Ты в чем-то виноват? Что-то с ней сделал? – спросила Хестер.

– С кем?

– С Наоми.

– Ничего я не сделал. – Он помотал головой. – В том-то и беда.

Тим остановился у старого дома, на старой подъездной дорожке. Воспоминания нахлынули с удвоенной силой, встали во весь рост и пошли в атаку. Тим поставил машину на ручник, обернулся и взглянул на Хестер. Он работал у нее шофером почти двадцать лет, с тех пор как приехал в США из Балканского региона. Поэтому он все знал. Он посмотрел ей в глаза. Хестер едва заметно кивнула, показывая, что она в норме.

Мэтью уже сказал Тиму «спасибо» и выбрался из машины. Хестер потянулась к дверной ручке, но Тим предупреждающе кашлянул. Хестер закатила глаза. Тим, здоровенный лось, выбрался из-за руля, вытянулся в струну и открыл

пассажижскую дверцу. В этом жесте не было никакой необходимости, но если Хестер сама открывала дверцу, Тим делал оскорбленное лицо, а у Хестер и так что ни день, то битва, поэтому спасибо, не надо.

– Не знаю, надолго ли, – сказала она Тиму.

– Я подожду. – Акцент у него как был чудовищный, так и остался.

Мэтью уже отпер и приоткрыл входную дверь. Хестер еще раз переглянулась с Тимом, прошагала по дорожке из булыжного камня – эту дорожку они с Айрой собственноручно выложили тридцать три года назад, убили на это дело целый уик-энд, – вошла и закрыла за собой дверь.

– Мэтью?

– Я на кухне.

Она прошла в дом. Дверца огромного холодильника «Sub-Zero» (его купили уже новые хозяева) была открыта, и Хестер снова вспомнила отца Мэтью в его возрасте, вспомнила всех своих мальчиков в школьные годы: Джеффри, Эрика, Дэвида. Вечно не вылезали из холодильника, проглоты, еды на них не напасешься. Самоходные пресс-компакторы, только не для мусора, а для продуктов. Сегодня притащишь всего, а завтра в доме шаром покати.

– Есть хочешь, бабуль?

– Обойдусь.

– Точно?

– Точно. Рассказывай, что стряслось.

Мэтью высунулся из холодильника:

– Дай я сперва перекушу, ладно?

– Если хочешь, свожу тебя поужинать.

– У меня много домашки.

– Ну смотри, дело хозяйское.

Хестер прошла в гостиную. Пахло жженым деревом. Недавно топили камин. Странно. А может, ничего странного. Хестер взглянула на журнальный столик.

Полный порядок. «Слишком уж полный», – подумала она.

Стопка журналов. Стопка подставок под чашки. Всё на своем месте.

Хестер нахмурилась.

Пока Мэтью разбирался с бутербродом, она тихонько поднялась на второй этаж. Это, конечно, не ее дело. Со смерти Дэвида прошло уже десять лет. Лейла имеет право на личную жизнь. Хестер ничего такого не думала, но ничего не могла с собой поделать.

Вошла в хозяйскую спальню.

Дэвид, насколько она помнила, спал на дальнем краю кровати. Лейла спала ближе к двери. Двухспальная кровать была заправлена. Безупречно заправлена.

«Слишком уж безупречно», – снова подумала Хестер.

В горле застрял комок. Она прошла по комнате, заглянула в ванную. Везде идеальная чистота. Не в силах остановиться, она принялась разглядывать подушку Дэвида.

Подушку Дэвида? Твоего сына нет уже десять лет. Уй-

мись, наконец.

На поиски ушло несколько секунд. Наконец Хестер обнаружила на подушке светло-каштановый волос.

Длинный светло-каштановый волос.

Хестер, уймишь.

За окном спальни был внутренний двор, а дальше гора. Лужайка сливалась с горным склоном, растворялась в лесу, поначалу редком, потом чуть более густом, потом – натуральная чаща. Мальчишки, конечно, туда бегали. Айра помогал им строить всякое – шалаши, дом на дереве, бог знает что еще. Сухие ветки превращались в ножи и ружья. Парни играли в прятки.

Однажды Хестер услышала, как шестилетний Дэвид (в тот день он возился в лесу один) с кем-то разговаривает. Когда она стала его расспрашивать, маленький Дэвид надулся и сказал:

– Это я сам с собой.

– Но там точно был кто-то еще.

– Ну, – сказал ее сынишка, – был. Один мой друг. Невидимка.

Хестер знала, что Дэвид никогда ей не врал. Если не считать того раза.

Внизу открылась входная дверь.

– Привет, мам! – крикнул Мэтью.

– Где бабушка?

– Здесь, – сказал он. – Бабуль, ты тут?

– Уже иду!

В панике, чувствуя себя последней дурой, Хестер выскользнула из спальни в коридор и скрылась в туалете. Закрыла дверь, спустила воду и даже, открыв кран, сполоснула руки для правдоподобия. Затем направилась к лестнице. У последней ступеньки, подняв глаза, стояла Лейла.

– Привет, – сказала Хестер.

– Привет.

Лейла была великолепна. По-другому не скажешь. Сшитый на заказ серый деловой костюм подчеркивал все красивые изгибы фигуры, а фигура Лейлы сплошь состояла из красивых изгибов. Ослепительное зрелище. Белоснежная блузка контрастировала с темной кожей так, что резало в глазах.

– Вы в норме? – спросила Лейла.

– Ну да, само собой.

Хестер продолжила спускаться по лестнице. Наконец женщины обнялись, но лишь на мгновение.

– Какими судьбами, Хестер?

В комнату вошел Мэтью.

– Бабуля помогала мне с докладом. Это для школы.

– С докладом? На какую тему?

– На юридическую, – сказал Мэтью.

Лейла поморщилась:

– И ты не мог попросить меня?

– Ну, это, – промямлил Мэтью, – у нее же своя телепередача. – «Да, лжец из него неважный, – подумала Хестер. –

Весь в отца». – Мам, только без обид, бабуля у нас знаменитый адвокат.

– Да ну?

Лейла повернулась к Хестер. Хестер пожала плечами.

– Ну ладно, – сказала Лейла.

Хестер вспомнила похороны Дэвида. Лейла держала малыша Мэтью за руку. В глазах ни слезинки. Она не плакала. В тот день – ни разу. Перед Хестер или кем-то еще – ни разу. Ближе к вечеру Хестер с Айрой повезли Мэтью в Эллендейл, в АВG, съесть гамбургер. Хестер оставила деда с внуком в кафе и вернулась. Прошла на задний двор, в сторону леса, куда Дэвид бесконечно сбегал, чтобы повидаться с Уайлдом, и даже оттуда, несмотря на завывания ночного ветра, слышала, как в осиротевшей спальне утробно воет Лейла. Ее крики раздирали душу. В них была такая боль, что Хестер тогда подумала: наверное, наша Лейла сломалась так, что не починить.

Лейла больше не вышла замуж. Если за эти десять лет у нее и были мужчины – а предложений было множество, это несомненно, – Хестер ничего о них не знала.

Но теперь в доме было слишком чисто. Еще и этот длинный каштановый волос.

Хестер, уймись.

Хестер без предупреждения обняла Лейлу, притянула к себе. Та удивилась:

– Хестер?

Уймись.

– Я люблю тебя, – прошептала Хестер.

– И я вас.

Хестер зажмурилась. Не сумела сдержать слез.

– Вы точно в норме? – спросила Лейла.

Хестер взяла себя в руки, отступила на шаг, разгладила одежду.

– В полной. – Сунула руку в сумочку, выудила носовой платок. – Просто...

Лейла кивнула.

– Знаю, – тихо сказала она.

Хестер увидела, что Мэтью выглядывает из-за материнского плеча и мотает головой, напоминая про данное обещание.

– Пойду, пожалуй. – Хестер поцеловала обоих и быстро вышла из дома.

Тим ждал, открыв дверцу. На нем был черный костюм и шоферская фуражка. Этот наряд он носил ежедневно, невзирая на погоду и время года, хотя Хестер не раз говорила, что это ни к чему. К тому же и костюм, и фуражка смотрелись на нем как-то неправильно. Может, из-за крупной фигуры. Может, из-за пистолета под пиджаком.

Скользнув на заднее сиденье, Хестер еще раз взглянула в сторону дома. Из-за двери на нее смотрел Мэтью. До Хестер наконец дошло: внук попросил ее о помощи.

Раньше такого не бывало. И он не все ей рассказал – пока

что. Но она, упиваясь собственным горем, жалостью к себе, пытаясь заполнить эту жуткую дыру в собственной жизни, все же помнила: Мэтью приходится в сто раз хуже. Он растет без отца, тем более – без такого отца, доброго и порядочно-го человека, взявшего самое лучшее от Хестер (в меньшей степени) и Айры (в большей) – Айры, умершего от сердца. Хестер была уверена: сердце Айры разбилось, когда Дэвид погиб в той аварии.

Тим вернулся за руль.

– Слышал, что рассказал Мэтью? – спросила она.

– Да.

– Что скажешь?

Тим пожал плечами:

– Он что-то недоговаривает. – Хестер не ответила. – Ну что, назад в город? – спросил Тим.

– Пока нет, – сказала Хестер. – Сперва заедем в полицию.

Глава четвертая

– Ну и ну, какие люди у меня в участке. Хестер Краймштейн, как Бог свят.

Она сидела в кабинете шефа уэствиллской полиции Оре-на Кармайкла. Тот готовился к семидесятилетию и последующей отставке, но выглядел, как всегда, сногсшибательно. Представьте себе самый красивый отруб элитной говядины в мясницкой лавке. Представили? Так вот, Орен был еще красивее. Человек-гора, сплошные мышцы.

– И тебе привет, Орен.

– Классно смотришься.

– И ты. – «Седина мужчинам к лицу, – подумала Хестер. – Черт возьми, это нечестно». – Как Шерил?

– Ушла от меня.

– Да ты что?

– Угу.

– Я всегда знала, что она туповата.

– Да ты что?

– Без обид.

– Какие тут обиды.

– Она красивая была, – добавила Хестер.

– Да.

– Но дура. Я, наверное, грублю?

– Шерил бы сказала, что грубишь.

– Плевать мне, что она сказала бы.

– И мне. – Орен Кармайкл ослепительно улыбнулся. – Забавный у нас диалог.

– Разве нет?

– Но мне почему-то кажется, ты явилась сюда не шутики ради.

– Может, и не кажется. – Хестер уселась поудобнее. – Как это называется, когда делаешь несколько вещей одновременно? Детишки для такого целый термин выдумали.

– Многозадачность.

– Точно. – Она закинула ногу на ногу. – Вот этим и занимаюсь.

Хестер могла бы сказать, что ее тянет к мужчинам в форме, но ведь это пошлое клише. Однако Орен Кармайкл выглядел так, словно носил полицейскую форму с самого рождения.

– Помнишь, когда была здесь в последний раз? – спросил Орен.

– Джеффри, – улыбнулась Хестер.

– Залез на эстакаду и швырялся яйцами в автомобиле.

– Славное было времечко, – сказала Хестер. – Когда мы его забирали... почему ты тогда Айре позвонил, а не мне?

– Потому что Айры я не боялся.

– А меня боялся?

– Если говорить в прошедшем времени, безусловно. – Орен Кармайкл отодвинулся от стола. – Ну, расскажешь, за-

чем пришла? Или будем и дальше перешучиваться?

– Думаешь, у нас все лучше выходит?

– Перешучиваться? Наверное. Хуже уж точно некуда.

Тридцать четыре года назад, когда в лесу нашли мальчика, Орен был в том поисковом отряде. Все, включая Хестер, думали, что загадку быстро разгадают, но за Уайлдом так никто и не пришел. Никто так и не узнал, почему Уайлда бросили в лесу и как это, собственно говоря, произошло. Никто так и не понял, как долго мальчик выживал в одиночку. И как ему вообще удалось выжить.

Даже спустя столько лет никто понятия не имел, откуда он взялся.

Она подумала, не завести ли речь про Уайлда – узнать, как у него дела. Может, будет проще повернуть разговор в нужное русло.

Но теперь она не имеет к Уайлду никакого отношения. Нет смысла о нем вспоминать. Не за этим Хестер сюда явилась. Она перешла к делу:

– Наоми Пайн. Знаешь такую?

Орен Кармайкл, сцепив пальцы, сложил ладони на плоском животе.

– С чего ты решила, что я знаю всех местных старшеклассниц?

– С чего ты решил, что она старшеклассница? – спросила Хестер.

– Хм, с тобой не забалуешь. Ну, допустим, знаю.

Хестер толком не понимала, как правильнее выстроить разговор, поэтому решила говорить напрямик:

– Кое-кто говорит, она пропала.

– Кое-кто?

Ну ладно, не очень-то и напрямик. Господи, какой же Орен красавчик.

– Да.

– Хм. По-моему, у тебя внук ее возраста.

– Спешим это на совпадение.

– Славный парнишка, кстати. Я про Мэтью. – (Она промолчала.) – Я все еще тренирую баскетбольную команду, – продолжал Орен. – Мэтью работающий. Задиристый, как... – Он вовремя осекся. Не назвал имя Дэвида. Оба застыли. На пару секунд в кабинете повисла мертвая тишина. В атмосфере что-то изменилось. – Прошу прощения, – сказал Орен.

– Не стоит.

– Что, мне снова притвориться, что ничего не было? – спросил он.

– Нет, – тихо сказала Хестер. – Ни в коем случае. Никогда не притворяйся, когда речь заходит о Дэвиде.

Орен, как шеф полиции, был в ту ночь на месте аварии.

– Возвращаясь к твоему вопросу, – сказал Орен, – нет, я не знаю, что Наоми пропала.

– Никто не звонил, не заявлял?

– Нет, а что?

– Ее уже неделю не было в школе.

– И что?

– Может, сделаешь пару звонков?

– Волнуешься?

– Слишком сильно сказано. Допустим, если ты позвонишь куда надо, мне станет поспокойнее.

Орен почесал подбородок:

– Мне нужно что-то знать?

– Кроме номера моего телефона?

– Хестер!

– Нет, ничего такого. Меня просто попросили об услуге.

Орен нахмурился. Подумал.

– Ладно, сделаю пару звонков.

– Отлично.

Он взглянул на Хестер. Хестер взглянула на него.

– Могу сделать все чуть позже, а потом отчитаюсь по телефону, – сказал Орен. – Но такой вариант тебя, похоже, не устроит.

– Ну а сейчас ты разве занят?

Вздохнув, Орен сперва набрал номер Наоми. Никто не ответил. Потом Орен позвонил школьному инспектору. Школьный инспектор попросил подождать. Вернулся к телефону и сообщил:

– Да, ученица действительно пропускает занятия.

– С отцом говорили?

– Говорили. Кто-то из наших, не я.

– Что сказал отец?

– Здесь пометка: «Уважительная причина».

– Больше ничего?

– А что? Хотите, чтобы я к ним съездил?

Орен поднял глаза на Хестер. Хестер помотала головой.

– Нет, просто прохожусь по списку. Что еще скажете?

– Не исключено, что ее оставят на второй год. Или летом ей придется ходить на дополнительные занятия. В этом семестре она много пропускала.

– Спасибо.

Орен повесил трубку.

– Спасибо, – сказала Хестер.

– Не за что.

– Понятно, откуда ты знаешь Мэтью, – медленно сказала она, подумав. – По моим рассказам. По рассказам Дэвида. По баскетбольной команде. – Он промолчал. – И мне известно, что ты активно участвуешь в жизни города. Это похвально.

– Но ты понять не можешь, откуда я знаю Наоми.

– Верно.

– Пожалуй, нужно было с этого начать.

– Я тебя внимательно слушаю.

– Помнишь фильм «Клуб выходного дня»? – спросил Орен.

– Нет.

– Не смотрела? – удивился Орен.

– Нет.

– Что, правда? Блин, мои дети постоянно его включали,

хоть им и не по возрасту было.

– К чему этот разговор?

– Помнишь актрису Элли Шиди?

Она сдержала вздох.

– Нет.

– Не суть важно. В фильме Элли Шиди играет роль старшеклассницы-парии вроде Наоми. Там есть сцена, когда девочка перестает сдерживаться и говорит: «Дома мне живет-ся так себе».

– И Наоми сказала бы так же?

Орен кивнул.

– Она не впервые пускается в бега. У ее отца три ареста за вождение в пьяном виде. Но смотри мне, это секрет.

– Есть признаки домашнего насилия?

– Нет. Думаю, дело не в этом. Скорее отец не уделяет ей внимания. Мать Наоми бросила их лет пять назад. Может, десять, не помню. Трудно сказать. Папаша работает в городе, допоздна. Думаю, просто замотался. Трудно растить девочку без матери.

– Ясно, – кивнула Хестер. – Спасибо, что рассказал.

– Ну, я тебя провожу?

У двери они встали лицом к лицу. Хестер почувствовала, как к щекам приливает кровь. Покраснела, значит. То есть возраст не помеха?

– Ну, не хочешь рассказать, что Мэтью говорил тебе про Наоми? – спросил Орен.

– Ничего не говорил.

– Хестер, прошу: давай сделаем вид, что я специально обученный полицейский и за спиной у меня сорок лет стажа. Ты ненароком заходишь ко мне в кабинет и наводишь справки о проблемной девочке, а эта девочка – как ни странно – одноклассница твоего внука. Видишь ли, в глубине души я детектив. Задаюсь вопросом: «С чего бы все это?» – и прихожу к выводу, что Мэтью тебе что-то рассказал.

Хестер хотела отвертеться, но поняла, что спорить бессмысленно.

– Только между нами. Мэтью попросил меня взять этот вопрос под личный контроль.

– Почему?

– Не знаю.

Орен ждал.

– Правда не знаю.

– Что ж, тогда ладно.

– По-моему, он за нее волнуется.

– Волнуется? В смысле?

– Говорю же, не знаю. Но если не возражаешь, я тоже слегка покопаюсь.

– Покопаешься? – Орен нахмурился. – Как это?

– Пожалуй, заеду к ней домой. Поговорю с отцом. Ты не против?

– Если даже и против, какая разница?

– Никакой. И я тоже не думаю, что дело серьезное.

– Однако?

– Однако Мэтью никогда ни о чем меня не просил. Пони-
маешь?

– По-моему, да, – сказал Орен. – Хорошо. Если что-ни-
будь выяснишь...

– Тут же позвоню, честное слово. – Хестер протянула ему
свою визитку. – Здесь мой сотовый.

– Мой тебе нужен?

– Не понадобится.

Он не сводил глаз с визитки.

– Но ты же только что сказала, что позвонишь, разве нет?

Она почувствовала, как в груди бьется сердце. Возраст –
странная штука. Когда сердце начинает так биться, кажется,
что ты снова в школе, в выпускном классе.

– Орен?

– Что?

– Знаю, нам положено изображать современных людей.
Равноправие и все такое.

– Точно.

– Но я все равно считаю: правильное, когда не девушка
звонит парню, а парень девушке.

– И так уж вышло, что теперь у меня есть твой номер. –
Он по-прежнему держал в руке ее визитку.

– Мир тесен.

– Береги себя, Хестер.

– В общих чертах. – Тим передал листки Хестер. – Скоро будет остальное.

В багажнике был принтер, подключенный к ноутбуку: его Тим держал в бардачке. Иной раз помощники сбрасывали информацию ей на телефон, но Хестер все равно предпочитала читать с бумаги, ей нравилось держать в руках твердую копию. Нравилось делать пометки шариковой ручкой, подчеркивать важные фразы.

Женщина старой закалки. Или просто старая.

– У тебя есть адрес Наоми Пайн? – спросила она.

– Есть.

– Далеко отсюда?

Тим сверился с навигатором:

– Две целых шесть десятых мили. Шесть минут.

– Поехали.

Пока Тим вел машину, Хестер бегло просмотрела записи. Наоми Пайн, шестнадцать лет. Родители в разводе. Отца зовут Бернард, мать – Пиа. У отца единоличная опека, что само по себе любопытно. По сути дела, мать отказалась от родительских прав. Мягко говоря, нестандартная ситуация.

Дом был не дом, а старая развалюха. Изначально краска была белой, теперь же стала желтоватой, а кое-где – бурой. Все окна были плотно зашторены или закрыты треснувшими ставнями.

– Что скажешь? – спросила Хестер.

Тим скорчил гримасу:

– Похоже на европейский «надежный дом», конспиративную квартиру. Или на пыточную для диссидентов.

– Жди здесь.

На подъездной дорожке стояла новенькая «Ауди А-6». Наверное, стоит подороже, чем эта халупа. По пути к двери Хестер рассмотрела здание получше. Когда-то это был дом в викторианском стиле, со сплошной верандой и резным карнизом, стареньким, но все равно красивым. Да, точно, такие дома еще называют «разукрашенными леди», хотя краски на этом экземпляре осталось немного и все «женское» очарование кануло в Лету. А может, его никогда и не было.

Хестер постучала в дверь. Тишина. Хестер постучала еще раз.

– Просто оставьте у двери, – сказал мужчина.

– Мистер Пайн?

– Я сейчас занят. Если нужно расписаться...

– Мистер Пайн, я не курьер.

– А кто вы?

Голос звучал невнятно. Мужчина по-прежнему не открывал дверь.

– Меня зовут Хестер Краймштейн.

– Как?

– Хестер... – Наконец дверь отворилась. – Мистер Пайн?

– Я вас знаю, – сказал мужчина.

– Нет, не знаете.

– Нет, знаю. Точно, видел по телевизору.

– Совершенно верно. Меня зовут Хестер Краймштейн.

– Ого! – Бернارد Пайн щелкнул пальцами. Указал на нее. – Вы адвокат по уголовным делам. Вас показывают во всех новостях, верно?

– Верно.

– Так и знал. – Пайн отступил на полшага назад. Теперь он насторожился. – Погодите, что вам от меня нужно?

– Я по поводу вашей дочери. – Он чуть шире раскрыл глаза. – Наоми, – добавила Хестер.

– Я помню, как зовут мою дочь, – сказал он резче, чем хотелось бы. – Что вам нужно?

– Ее давно не было в школе.

– И что? Вы школьный инспектор?

– Нет.

– Тогда какое отношение вы имеете к моей дочери? И что вам от меня надо?

Он выглядел и вел себя как человек, только что вернувшийся домой после трудного рабочего дня. Пятичасовая небритость превратилась в семи- или даже восьмичасовую щетину. Белки глаз покраснели. Пиджака нет, рукава рубашки закатаны, галстук ослаблен. Хестер готова была поспорить, что где-то в доме его уже ждет стакан чего-нибудь спиртного.

– Можно поговорить с Наоми?

– Зачем?

– Я... – Хестер нацепила свою обезоруживающую улыбку.

Об этой улыбке слагали легенды. – Послушайте, я не желаю вам зла. Я здесь не в качестве юриста.

– Тогда зачем вы приехали?

– Понимаю, что выхожу за рамки, но скажите – с Наоми все в порядке?

– Что-то я запутался. Какое вам дело до моей дочери?

– По сути, никакого. Я вовсе не собираюсь лезть в вашу личную жизнь. – Взвесив все «за» и «против», Хестер решила, что сейчас нужно говорить искренне, от первого лица. – Ваша Наоми – одноклассница моего внука Мэтью. Она о нем не рассказывала?

Пайн поджал губы:

– Зачем вы здесь?

– Я... Мы с Мэтью решили убедиться, что у нее все нормально.

– Все у нее прекрасно.

Он начал закрывать дверь.

– Можно на нее взглянуть?

– Вы что, шутите?

– Мне известно, что она перестала ходить в школу.

– И что?

Хватит обезоруживающих улыбок. Хестер добавила голову металла:

– Итак, где Наоми, мистер Пайн?

– Какое право вы...

– Никакого, – сказала Хестер. – Никакого права. Ни еди-

ного. Ноль прав. Но друг Наоми волнуется за нее.

– Друг? – Пайн презрительно фыркнул. – Выходит, ваш внук с ней дружит, так?

Хестер не поняла, как расценивать эти слова.

– Я просто хочу на нее взглянуть.

– Ее здесь нет.

– В таком случае где она?

– Вообще-то, не ваше дело.

Чуть больше металла в голос.

– Вы сказали, что видели меня по телевизору.

– Ну и что?

– Значит, вам известно, что не нужно будить во мне зверя.

Хестер прожгла его взглядом. Пайн попятился:

– Наоми в гостях у матери. – Он покрепче ухватился за дверную ручку. – И знаете что, миссис Краймштейн? Моя дочь – не ваше дело. Не ваше и не вашего внука. А теперь прочь с моей земли.

Он закрыл дверь. И громко задвинул щеколду, словно поставил жирную точку.

Тим ждал у машины. Завидев Хестер, он открыл дверцу.

– Подмывок, – пробурчала Хестер.

Дело шло к ночи. Уже стемнело. Чем ближе к горам, тем меньше света. Здесь его почти не было. На сегодня вопрос Наоми Пайн закрыт.

Тим уселся на водительское сиденье, завел машину.

– Пожалуй, пора обратно. Через два часа у вас эфир. – Он

посмотрел в зеркало, перехватил ее взгляд, стал ждать.

– Давно мы не заглядывали к Уайлду? – спросила Хестер.

– В сентябре будет шесть лет.

Удивительно, как много времени прошло. Удивительно, что Тим так быстро вспомнил год и месяц.

Удивительно. Но Хестер не удивилась.

– Как думаешь, найдем дорогу?

– Так поздно? – Тим задумался. – Наверное.

– Давай попробуем.

– Может, лучше позвонить?

– Вряд ли у него есть телефон.

– Может, он переехал.

– Нет, – сказала Хестер.

– Или его нет дома.

– Тим!

Тим переключил рычаг передач в положение «драйв».

– Вас понял.

Глава пятая

С третьего захода Тим нашел нужный съезд с Галифакс-роуд. Узкая полоска дороги была почти полностью скрыта от посторонних глаз. Казалось, автомобиль продирается сквозь гигантский куст. По крыше хлестали ветви – точь-в-точь ленточные губки на автомойке. В нескольких сотнях ярдов к югу находился молитвенный лагерь «Сплит рок суитуотер», а молились там... как же они теперь называются? То ли народ ленапо с горы Рамапо, то ли горный народ рамапо, то ли индейцы-рамапо, то ли просто рамапо. Их генеалогия была покрыта мраком, но некоторые из них утверждали, что являются прямыми потомками местного племени или местных племен и гессенских наемников, принимавших участие в Войне за независимость, или беглых рабов, нашедших приют в делаварском племени еще до Гражданской войны. Как бы то ни было, теперь рамапо – для простоты Хестер решила остановиться на этом названии – вели за творническую жизнь, и племя их вырождалось.

Тридцать четыре года назад, когда в полумиле отсюда нашли мальчика, носившего теперь имя Уайлд, многие подозревали (многие до сих пор подозревают), что этот парнишка как-то связан с племенем рамапо. Разумеется, толком никто ничего не знал, но если ты беден, отличаешься от других и живешь отшельником, о тебе непременно будут распускать

разные слухи. Может, женщина рамапо бросила в лесу внебрачного ребенка, или мальчика отправили в лес по какому-нибудь идиотскому обряду, или он сам ушел и заблудился, а теперь племя боится признать его своим. Все это чушь, конечно.

Солнце село. Деревья не столько обрамляли дорогу, сколько налезали на нее, тянули друг к другу ветвистые руки, словно дети, играющие в «Лондонский мост рушится». Было темно. Тим свернул – раз, другой, третий, – и Хестер сообразила, что он едет по навигатору. Наконец они заехали в тупик. Тим сдал назад и направо, свернул налево и остановил машину капотом к выезду.

В лесу царила тишина. Единственным источником света были автомобильные фары.

– И что теперь? – спросил Тим.

– Посиди в машине.

– Одну я вас не отпущу.

– Да неужели?

Оба потянулись к дверным ручкам, но Хестер остановила Тима хлестким «Сидеть!», вышла в безмолвную ночь и захлопнула дверцу.

Тридцать четыре года назад, осмотрев Уайлда, педиатры пришли к выводу, что ему лет шесть-восемь. Он владел человеческой речью: сказал, что говорить его научил «тайный друг» (Дэвид, сын Хестер), а еще он украдкой пробирался в чужие дома и часами смотрел телевизор. Там же и кормился,

если не считать собирательства в теплое время года: копался в мусорных баках возле людских жилищ, заглядывал в урны в парках, но по большей части проникал (читай «вламывался») в летние домики, где опустошал холодильники и кухонные шкафы.

Другой жизни ребенок не помнил.

Никаких родителей. Никакой семьи. Никакой связи с людьми, кроме Дэвида.

Одно воспоминание к нему все же вернулось. Это воспоминание не давало покоя мальчику (теперь уже мужчине), мешало спать, из-за него он просыпался посреди ночи в холодном поту. Не цельное воспоминание, но отдельные эпизоды: темный дом, коричневые доски на полу, красные лестничные перила, портрет усатого мужчины. И еще вопли.

«Что за вопли?» – спросила у мальчика Хестер.

«Жуткие».

«Оно понятно. Ты скажи, это были мужские вопли? Женские? Постарайся вспомнить, кто кричал?»

Уайлд задумался.

«Я, – наконец сказал он. – Это я кричал».

Сложив руки на груди, Хестер прислонилась к машине и стала ждать. Ждать пришлось недолго.

– Хестер?

Когда в поле зрения появился Уайлд, у Хестер чуть не взорвалось сердце. Она сама не знала почему. Может, просто день такой. Или ее снова накрыли эмоции от встречи с луч-

шим другом ее сына. Ведь этот человек был последним, кто видел Дэвида живым.

– Привет, Уайлд.

Уайлд был гений. Она была в этом уверена. Кто знает почему? Человек рождается с собственной прошивкой. Любой родитель знает, каков его ребенок, что он из себя представляет. Любому родителю известно, что он переоценивает собственную значимость в развитии своего чада. Близкий друг однажды сказал ей, что родитель ничем не отличается от автомеханика. Чинит машину, ухаживает за ней, следит, чтобы она не съехала в кювет. Но машина все равно такая, какая есть. Если к тебе в мастерскую пригнали спорткар, как ни надрывайся, внедорожник из него не получится.

Так же и с детьми.

Короче говоря, Уайлд был гений. Такова была его генетическая прошивка.

Эксперты также утверждают, что роль раннего развития трудно переоценить, что к пяти годам мозг ребенка развивается на девяносто процентов. А теперь представим себе пятилетнего Уайлда. Его среду обитания, раздражители, жизненные ситуации. Еще малышом он вынужден был заботиться о себе, добывать пропитание, искать кров, утешать себя, защищаться. Ну, каков стимул для развития мозга?

Уайлд вышел в свет фар, чтобы Хестер его видела. Улыбнулся. Смуглый красавец (о таких говорят – «солнышко поцеловало»), свитый из мускулов, руки словно кабели высо-

кого напряжения. Фланелевая рубашка с засученными рукавами, линялые джинсы, стоптанные треккинговые ботинки, длинные волосы.

Очень длинные светло-каштановые волосы.

Как тот волос на подушке.

Хестер взяла быка за рога:

– Что у вас с Лейлой? – (Уайлд не ответил.) – Только не отнекивайся.

– Я и не отнекиваюсь.

– Итак?

– Она живой человек. Ей надо, – сказал Уайлд.

– Ты что, серьезно? – спросила Хестер. – Ей надо? А ты у нас, получается, добрый самаритянин? Так, Уайлд?

Он шагнул вперед:

– Хестер?

– Что?

– Она разучилась любить. – (После этих слов в сердце у нее разорвалась еще одна бомба. А она-то думала, что больше уже не будет.) – Может, однажды снова научится, – продолжил Уайлд. – Но она до сих пор тоскует по Дэвиду. – Хестер смотрела на него. Эмоции, переполнявшие ей душу, – гнев, обида, горе, вся эта дурь – сдулись, словно воздушный шарик. – Со мной ей ничего не грозит, – сказал Уайлд.

– Для тебя все по-прежнему?

– Все по-прежнему, – кивнул он.

Хестер сама не понимала, что сейчас чувствует. Сперва

все думали, что установить личность мальчика будет проще простого. Поэтому Уайлд (к нему прилипло это очевидное прозвище, ведь по-английски «уайлд» – это «дикарь») какое-то время жил у Краймштейнов. В конце концов служба опеки определила его к Бруэрам, в весьма почтенную приемную семью. Бруэры тоже жили в Уэствилле. Уайлд пошел в школу. Преуспел почти во всех своих начинаниях. Но всегда был изгоем. Из всех сил старался полюбить свою приемную семью – Бруэры даже усыновили его, – но в итоге оказалось, что жить он способен лишь в одиночестве. Если не считать дружбы с Дэвидом, Уайлд не умел общаться с людьми. Особенно со взрослыми. Возьмите комплексы брошенного ребенка и возведите их в десятую степень.

В его жизни были женщины, множество женщин, но надолго они не задерживались.

– Вы за этим приехали? – спросил Уайлд. – Поговорить про Лейлу?

– И за этим тоже.

– А еще зачем?

– Еще по поводу твоего крестника.

– Что с ним? – Уайлд обратился в слух.

– Мэтью попросил, чтобы я помогла найти его подругу.

– Что за подругу?

– Ее зовут Наоми Пайн.

– Почему он попросил именно вас?

– Не знаю. Не исключено, что у Мэтью неприятности.

Уайлд направился к машине:

– Вас по-прежнему возит Тим?

– Да.

– Я собирался в ту сторону, к дому. Подвезете, а по пути расскажете, что к чему.

Устроившись на заднем сиденье, Хестер повернулась к Уайлду:

– Значит, у вас все по-быстрому происходит?

– Лейла не такая. Сами знаете.

Хестер и правда это знала.

– То есть остаешься на ночь?

– Нет. Никогда.

Значит, подумала она, Уайлд и впрямь не изменился.

– И Лейлу это устраивает?

– Как вы узнали? – ответил Уайлд вопросом на вопрос.

– Про тебя и Лейлу?

– Да.

– В доме слишком чисто. – (Уайлд молчал.) – Ты же помешан на чистоте, – продолжила она. Это было вежливое преуменьшение. Официальных диагнозов Хестер не знала, но с дилетантской точки зрения Уайлд страдал от обсессивно-компульсивного расстройства. А Лейла – наоборот.

– Вон оно что.

– И еще я нашла длинный каштановый волос на Дэвидовой подушке.

– Это не Дэвидова подушка.

– Знаю.

– Залезли в спальню?

– Залезла. И зря.

– Это точно.

– Ну, извини. Просто все как-то странно. Ну, сам понимаешь.

– Понимаю, – кивнул Уайлд.

– Я желаю Лейле только добра. И тебе тоже.

Она собралась было сказать, что Дэвид бы их благословил, но не смогла. Уайлд, наверное, понял, что ей не по себе, и сменил тему:

– Рассказывайте, что не так с Мэтью.

Хестер ввела его в курс дела Наоми Пайн. Уайлд смотрел на нее пронзительно-голубыми глазами с золотым отливом. Выслушал все, почти не шелохнувшись. Его когда-то называли (может, до сих пор называют) Тарзаном. Прозвище идеально ему подходило, словно Уайлд был актер, вошедший в роль. Телосложение, смуглая кожа, длинные волосы.

Когда Хестер договорила, Уайлд спросил:

– Лейла в курсе?

Хестер помотала головой:

– Мэтью просил ей не рассказывать.

– Но мне вы рассказали.

– Насчет тебя разговора не было.

– Ловко вы извернулись. – Уайлд чуть было не улыбнулся.

– Профессиональная деформация. Чем хуже, тем лучше. – (Уайлд отвел глаза.) – Что?

– Они не разлей вода, – сказал он. – Лейла и Мэтью. Почему он ничего ей не рассказал?

– Вот и я об этом думаю.

Оба замолчали.

В восемнадцать лет Уайлд поступил в Уэст-Пойнт. Закончил со всеми отличиями. Краймштейны – Хестер, Айра и трое парней – потратили три четверти часа, чтобы доехать до Военной академии сухопутных войск, поприсутствовать на выпуске Уайлда. Потом он служил за границей в каких-то спецвойсках – Хестер никак не могла запомнить, как они называются. Что-то секретное. Даже сейчас, много лет спустя, Уайлд не мог (или не хотел) разговаривать на эту тему. Государственная тайна. Но тут как в кино про войну: чего бы Уайлд ни посмотрелся, что бы ни творил, пережил или потерял, все это завело его дальше, чем хотелось бы. Или воскресило призраков прошлого. Как знать?

После службы, вернувшись в Уэствилл, Уайлд бросил попытки ассимилироваться в «нормальном» обществе. Поработал частным сыщиком в охранной фирме «КРУ» (на пару со своей сводной сестрой Ролой), но карьеры не сделал. Уволившись, Уайлд купил жилье (что-то вроде трейлера, но совсем уж скромного) и поселился подальше от людей, у подножия горной гряды. Ушел в минимализм. Передвинул домик, но так, чтобы в случае чего можно было докричаться

с дороги – или до нее. Хестер понять не могла, как Уайлд узнаёт, что к нему пожаловали гости. Технологические тонкости были вне ее разумения. Знала лишь, что у него кругом понатыканы датчики движения, сенсоры и камеры ночного видения.

– Так зачем вы мне все это рассказали? – спросил Уайлд.

– Я же не могу быть здесь все время, – объяснила она. – У меня суды в городе. Телепередачи, обязательства, всякое такое.

– Понял.

– Скажи: если пропал человек, к кому обратиться за помощью, если не к тебе?

– И то правда.

– Ну и твой волос на подушке.

– Ясно.

– Мы с Мэтью видимся реже, чем нужно, – сказала Хестер.

– У него все отлично.

– Вот только он считает, что его однокласснице грозит серьезная опасность.

– Ну да, – согласился Уайлд.

Тим свернул к дому. Все трое заметили, что Мэтью шагает к дороге. Подростковой походкой: понуро, нахохлившись, руки в карманах джинсов, кулаки сжаты. Агрессивен, готов защитить себя. В ушах белые «AirPods». Он ничего не замечал, пока Тим чуть не поддел его капотом. Мэтью вынул один наушник.

Хестер вышла из машины первой.

– Нашла Наоми? – спросил Мэтью. Заметил Уайлда – тот выбирался через заднюю дверцу – и нахмурился: – Что за...

– Он в курсе, – сказала Хестер. – И будет нем как рыба.

Мэтью повернулся к бабушке:

– Так ты нашла Наоми?

– Поговорила с ее отцом. Он сказал, что у нее все хорошо.

Что она в гостях у мамы.

– Но с ней ты не говорила?

– С мамой?

– С Наоми.

– Нет. Пока нет.

– Может, отец соврал, – сказал Мэтью.

Хестер оглянулась на Уайлда. Тот подошел ближе:

– С чего ты так думаешь?

Мэтью отвел глаза: лишь бы не пересечься взглядом со взрослыми.

– Ну а ты что, не могла убедиться, что с ней все в норме?

Хестер хотела было подойти вплотную к Мэтью, но Уайлд ее опередил:

– Мэтью, глянь на меня.

– Гляжу.

Но он смотрел в сторону.

– У тебя неприятности? – спросил Уайлд.

– Чего? Нет у меня неприятностей.

– Тогда не отмалчивайся.

Хестер стояла в стороне. Вот почему ее так беспокоили отношения Лейлы и Уайлда. Дело не в том, что Дэвид погиб. Не только в этом, хотя вспоминать о его смерти по-прежнему больно. Уайлд был крестным отцом Мэтью. Когда Дэвида не стало, Уайлд был рядом. Ответил на звонок, занял свободное место в жизни Мэтью. Не отец, не отчим, ничего подобного. Скорее дядя, всегда готовый прийти на помощь. Хестер и Лейла были ему благодарны. Обе считали – хоть это и сексизм чистой воды, – что в жизни Мэтью должен быть мужчина.

Но как любовная связь Лейлы и Уайлда скажется на Мэтью?

Парень не дурак. Хестер поняла все за пару минут, – значит, Мэтью тоже знал про этот роман. Устраивает ли его, что по ночам крестный бывает у его матери? Что будет, если эти отношения дадут трещину? Хватит ли у Лейлы и Уайлда ума сделать так, чтобы Мэтью не посекло осколками, – или же они вовсе об этом не думают?

Мэтью был уже выше Уайлда. Проклятье. Когда же он так вырос? Уайлд положил руку ему на плечо:

– Мэтью, не молчи.

– Я иду на вечеринку.

– Славно.

– Дома у Краха. Там будут Райан, Тревор, Дарла, Триш. Все там будут. – Уайлд молчал. Ждал. – В последнее время к ней лезли больше обычного. К Наоми. – Мэтью закрыл гла-

за. – Творили всякую жесьть.

– Кто к ней лез? – вмешалась Хестер.

– Ребята, с которыми все дружат.

– А ты? – спросила Хестер.

Мэтью уткнулся взглядом в ботинки.

– Мэтью? – окликнул его Уайлд.

Наконец, Мэтью тихо сказал:

– Нет. – Он помолчал. Они ждали. – Но я им не помешал.

Ничего не сделал. А зря. Крах, Тревор и Дарла над ней прикололись. По-плохому. А теперь... теперь ее нет. Потому-то я и иду на вечеринку к Краху. Может, что узнаю.

– Прикололись? Как? – спросила Хестер.

– Знал бы, сказал.

Рядом притормозила машина. За рулем был подросток, еще один сидел по правую руку от него. Водитель погудел.

– Мне пора, – сказал Мэтью. – Но вы тоже ее поищите.

Пожалуйста. Хорошо?

– Поручу кому-нибудь из своих найти мать Наоми, – пообещала Хестер. – И пообщаюсь с ней.

Мэтью кивнул:

– Спасибо.

– С кем нам еще поговорить, Мэтью? Может, у Наоми есть друзья?

– Нет у нее друзей.

– Учителя, родственники...

Мэтью щелкнул пальцами. Глаза его зажглись.

– Мисс О’Брайан.

– Ава О’Брайан? – спросил Уайлд.

Мэтью кивнул:

– Она помощница учителя рисования, что-то в этом роде.

– И ты считаешь... – начала Хестер.

Водитель снова погудел. Хестер бросила на машину испепеляющий взгляд, и парень за рулем угомонился.

– Мне пора. Может, узнаю что на вечеринке.

– Что узнаешь? – спросила Хестер.

Мэтью, не ответив, запрыгнул на заднее сиденье автомобиля. Уайлд и Хестер проводили машину взглядом.

– Знаешь эту мисс О’Брайан? – спросила Хестер.

– Знаю.

– Стоит ли спрашивать, насколько хорошо? – (Уайлд промолчал.) – Я так и думала. Она станет с тобой разговаривать?

– Станет.

– Отлично. – Когда машина скрылась за поворотом, Хестер спросила: – Что думаешь?

– Думаю, Мэтью что-то недоговаривает.

– Может, мать Наоми мне перезвонит. Может, даст трубку Наоми.

– Может быть, – сказал Уайлд.

– Но ты сомневаешься.

– Угу. Сомневаюсь.

Оба взглянули на дом Краймштейнов.

– Пора в город. Скоро у меня эфир, – сказала Хестер.

– Ладно.

– С Лейлой говорить некогда.

– Может, оно и к лучшему, – сказал Уайлд. – Поезжайте, готовьтесь к передаче. Я сам с ней поговорю. А потом с Авой О’Брайан.

Хестер протянула ему визитку с номером мобильного:

– Будь на связи, Уайлд.

– И вы, Хестер.

Глава шестая

Открыв входную дверь, Лейла спросила:

– Что случилось?

– Ничего.

– В таком случае почему явился со стороны улицы?

Уайлд входил в дом только через заднюю дверь. Пробирался по лесу до внутреннего дворика Краймштейнов. Всегда, без исключений. С тех самых пор, как Дэвид впервые провел его в дом.

– Ну?

Лейла была не просто красавицей: казалось, ее переполняет пульсирующая страсть. Глаз не оторвать, так и хочется разделить с ней эту энергию. Устоять невозможно.

– На ужин остаться не могу, – сказал Уайлд.

Лейла хмыкнула.

– Прости. Появились кое-какие дела.

– Ты не обязан передо мной отчитываться.

– Если хочешь, зайду позже.

Лейла взглядела в его лицо. Уайлд хотел рассказать ей про Мэтью и Наоми, но, взвесив все «за» и «против», пришел к выводу, что важнее будет сохранить доверительные отношения с крестником. Не стоит закладывать Мэтью матери. По крайней мере, сегодня. Сейчас. Рискованное решение, но Лейла все поймет.

Хотелось бы надеяться.

– В любом случае мне завтра рано вставать, – сказала Лейла.

– Ясно.

– А Мэтью ушел гулять. Не знаю, когда вернется.

– Ты не обязана передо мной отчитываться, – поддразнил ее Уайлд.

Лейла улыбнулась:

– Да ну, какого черта. Если сможешь, приходи.

– Если приду, то поздно.

– Мне без разницы, – сказала она. – Но ты так и не объяснил, почему явился со стороны улицы.

– Видел, как Мэтью выходит из дома.

Чистая правда.

– Что он тебе сказал?

– Сказал, что какой-то Крах позвал его на вечеринку.

– Крах Мейнард, – сказала она.

– Мейнард? Как в названии поместья?

– Угу, как Мейнард-Мэнор. Он сын Дэша.

– Дэш назвал сына Крахом?

– Ему нравится фильм «Дархэмский бык», или как он там называется. Прикинь, да?

– Ну, когда тебя зовут Уайлд... – Он пожал плечами.

– Тушэ.

Наступила тьма. Сверчки запели свою колыбельную. Уайлда всегда успокаивали эти звуки.

– Мне пора.

– Погоди. – Лейла сунула руку в карман джинсов. – Нет нужды изображать горца. – Вытащила брелок с ключами, бросила его Уайлду. – Вот, возьми машину.

– Спасибо.

– Пожалуйста.

– Может, управлюсь по-быстрому.

– Я тебя дождусь, Уайлд.

Лейла закрыла дверь.

Восемь месяцев назад, когда Уайлд познакомился с Авой О’Брайан, она жила в неприглядном серо-бежевом кондоминиуме неподалеку от Семнадцатого шоссе. Тем вечером, когда они шли к ней домой, а над головами у них потрескивали флуоресцентные фонари, Ава пошутила, что кондоминиум такой огромный, а домики такие одинаковые, что она часто ошибается дверью.

У Уайлда такой проблемы не было. Он до сих пор прекрасно помнил и место, и адрес.

На первый стук никто не ответил. Уайлд знал планировку домика. Он взглянул на верхнее правое окно. В нем горел свет, но это ни о чем не говорило. Уайлд присмотрелся, не мелькнет ли тень за окном. Ничего.

Он постучал снова.

Шарканье ног. Пауза. Было около девяти вечера. Наверное, Ава О’Брайан сейчас смотрит в глазок. Уайлд ждал. Се-

кундой позже звякнула дверная цепочка. Ручка двери повернулась.

– Уайлд?

На Аве был длинный махровый халат. Уайлд знал этот халат. Даже надевал его.

– Можно войти на минутку? – Он взгляделся в ее лицо: рада она ему или не рада? Хотя какая разница? Похоже, эмоции смешанные. То ли удивление, то ли радость. И что-то еще, а что – непонятно.

– Сейчас?

Он не потрудился ответить.

Ава подалась вперед, заглянула ему в глаза и шепнула:

– Уайлд, я не одна.

Ах вот оно что! Теперь понятно.

Лицо ее смягчилось.

– Ох, Уайлд, – сказала она чересчур ласково. – Ну почему именно сегодня?

Может, не стоило к ней приходить. Может, было бы лучше, если бы к ней зашла Хестер.

– Я насчет Наоми Пайн, – сказал он.

Аве стало интересно. Она оглянулась, вышла на крыльцо и закрыла за собой дверь.

– Насчет Наоми? С ней что-то случилось?

– Она пропала.

– То есть как это – пропала?

– Она твоя ученица, верно?

– Вроде того.

– Вроде того? Поясни.

– Сперва ты поясни. Что значит «пропала»?

– Ты заметила, что она не ходит в школу?

– Решила, что она приболела. – Ава поплотнее запахнула

махровый халат. – Ничего не понимаю. Почему ты спрашиваешь про Наоми?

– Пытаюсь ее найти.

– Но почему? – Уайлд не ответил, и Ава продолжила: – С отцом ее разговаривал?

– Мой коллега разговаривал. – Так проще, чем объяснять про Хестер.

– И что?

– Отец говорит, что Наоми в гостях у матери.

– Так и сказал?

– Да.

– Наоми давно уже не общается с матерью. – Теперь Ава встревожилась по-настоящему.

– Да, мы в курсе.

– А ко мне почему пришел?

– Кое-кто, – так снова проще, – сказал, что вы с ней дружите.

– Все равно ничего не понимаю. Почему ты ищешь Наоми? Тебя кто-то нанял?

– Нет. Попросили об услуге.

– Кто попросил?

– Не могу сказать. Ты не знаешь, где ее искать?

Дверь у нее за спиной отворилась. В проеме возник здоровенный мужчина с очень длинной бородой. Он посмотрел на Аву, на Уайлда и сказал:

– Привет.

– Привет, – отозвался Уайлд.

Бородач снова посмотрел на Аву:

– Я, пожалуй, пойду.

– Не спеши, – сказал Уайлд. – Я ненадолго.

Бородач еще раз посмотрел на Аву. Затем кивнул, словно прочел ответ у нее на лице, и спросил:

– В следующий раз?

– Да, конечно.

Бородач поцеловал ее в щеку, хлопнул Уайлда по спине и неторопливо спустился с крыльца. Забрался в «GMC Террейн», сдал назад и помахал на прощание рукой. Уайлд повернулся к Аве и задумался, не стоит ли извиниться. Ава отмахнулась:

– Заходи.

Уайлд сел на тот же красный диван, где они с Авой впервые поцеловались, и обшарил комнату быстрым взглядом. С тех пор как он провел здесь три дня, в комнате почти ничего не изменилось. На стенах появились две новые картины, висели они почти ровно: акварель с изображением измученного лица и написанный маслом пейзаж. Гора Хувенкопф,

недалеко отсюда.

– Твои работы? – спросил он.

Ава помотала головой:

– Учеников.

Уайлд так и думал. Ава не любила показывать свои картины. «Это личное, – однажды ответила она на его вопрос. – В них слишком много от меня. И все недостатки сразу бросаются в глаза».

– Не Наоми рисовала?

– Нет, – сказала Ава. – Но ты давай, не стесняйся.

– В смысле?

– Поправь их. – Она показала на стену. – Я же знаю, что у тебя руки чешутся.

Ночами, когда Ава спала, Уайлд ходил по дому со строительным уровнем и проверял, ровно ли висят картины. На стенах его жилища не было картин – и по этой причине тоже.

Когда Уайлд начал поправлять рамы, Ава села в кресло в другом углу комнаты, подальше от него.

– Ты должен рассказать, почему ищешь ее.

– Нет, не должен.

– Прошу прощения?

Он закончил возиться с акварелью.

– Некогда объяснять. Ава, ты мне доверяешь?

– А стоит? – Уайлду показалось, что голос ее прозвучал резковато. Она откинула прядь волос с лица, помолчала. – Да, Уайлд, я тебе доверяю.

– Расскажи мне про Наоми.

– Я не знаю, где она, если ты об этом.

– Но она же твоя ученица?

– Пока нет, но скоро будет.

– Не понял?

– Я посоветовала ей записаться на курс основ акварели. В следующем семестре. Тогда она и станет моей ученицей.

– Но ты с ней уже знакома?

– Да.

– Как вы познакомились?

– Три дня в неделю я дежурю в столовой. Прискорбно, но после сокращения там людей не хватает. – Она подалась вперед. – Ты же сам учился в этой школе, верно?

– Да.

– Не поверишь, но когда мы... – Она подняла глаза к потолку, словно подбирая нужное слово; пожала плечами и продолжила: – Были вместе, я понятия не имела, кто ты такой и какое у тебя прошлое.

– Знаю.

– Откуда?

– Это всегда заметно.

– Другие как-то иначе к тебе относятся, да? Ладно, проехали. Не важно. В школе ты был изгоем, да?

– В какой-то степени.

– В какой-то степени, – повторила она, – потому что ты сильный, красивый. Наверняка спортивный. Полная проти-

воположность Наоми. Она пария, Уайлд. Целиком и полностью, с головы до пят. Такая вот девочка. Одноклассники ее изводят. Понимаю, так говорить некрасиво, но по какой-то причине она пробуждает в окружающих этот инстинкт. Ту часть человеческой натуры, о которой не принято говорить. Каждый из нас с удовольствием смотрит этот спектакль. Лишь отчасти, но тем не менее. Как будто Наоми заслуживает такого отношения. И дело не только в учениках. Преподаватели тоже нет-нет да улыбнутся. Я не говорю, что им нравятся все эти издевательства, но никто не пытается защитить Наоми.

– Никто, кроме тебя.

– Да, я пытаюсь. Иногда от этого только хуже. Понимаю, это всего лишь отговорка, но когда я за нее заступилась... скажем так, толку не было. Короче, теперь я поступаю так: делаю вид, что она провинилась, – кстати говоря, поначалу я надеялась, что одноклассники смогут такое оценить, – а в качестве наказания запрещаю ей обедать в столовой. Вместо этого отвожу ее в кабинет изо. Если не дежурю по столовой, сижу с ней. Других учеников это не вразумило, но по крайней мере...

– Что?

– По крайней мере, Наоми может отдохнуть от издевательств. Хотя бы несколько минут. – Ава сморгнула слезинку. – Если Наоми нигде нет, значит она сбежала.

– Почему ты так думаешь?

– Потому что ее жизнь – сущий ад.

– Даже дома?

– Дома, может, и не ад, но тоже радости мало. Ты в курсе, что Наоми удочерили?

Уайлд отрицательно покачал головой.

– И она говорит об этом гораздо больше, чем нужно.

– В смысле?

– Например, фантазирует, что ее заберут настоящие родители. Приемные прошли кучу проверок и собеседований. Успешно. Им позволили взять ребенка – Наоми, – и мать почти сразу поняла, что не справляется. Ее даже пытались сдать назад в детдом, прикинь? Вернуть, как ненужную покупку. В общем, у матери случился нервный срыв. Во всяком случае, она так заявила. Бросила Наоми с отцом.

– Не знаешь, где сейчас ее мать?

– А, она, – Ава изобразила пальцами кавычки, – «поправилась». Вышла замуж за богача. По словам Наоми, живет в шикарном таунхаусе на Парк-авеню.

– В последнее время Наоми о чем-нибудь рассказывала? Чтобы мне было за что зацепиться?

– Нет. – Ава подумала. – Кстати...

– Что?

– Мне показалось, что ей стало... ну, получше. Она расслабилась. Успокоилась.

Уайлд ничего не сказал, но ему это не понравилось.

– Теперь твоя очередь, Уайлд. Зачем спрашиваешь?

– Кое-кто за нее волнуется.

– Кто?

– Не могу сказать.

– Мэтью Краймштейн.

Он промолчал.

– Повторяю, Уайлд: когда мы познакомились, я не знала, кто ты такой.

– Но теперь знаешь.

– Да. – Глаза ее вдруг заблестели от слез. Уайлд подошел к ней, взял ее ладони в свои. Она убрала руки. Уайлд не стал ей мешать. – Уайлд?

– Слушаю.

– Тебе нужно ее найти.

Уайлд вернулся на парковку кондоминиума. «БМВ» Лейлы стоял в двадцати ярдах от мусорного контейнера. Хестер была права. Лейла неряха. Красавица, но неряха. Себя содержит в чистоте и порядке, всегда словно только что из душа. Но вокруг нее сплошной бардак. На заднем сиденье «БМВ» валялись кофейные стаканчики и обертки от энергетических батончиков.

Уайлд выбросил весь мусор в контейнер. Он не страдал гермофобией, но приятно было найти в бардачке противомикробный лосьон. Уайлд оглянулся на дом Авы. Интересно, она позвонит бородатому парню, чтобы тот вернулся? Это вряд ли.

Он не жалел времени, проведенного с Авой. Ни капли не жалел. Честно говоря, когда Уайлд увидел Аву, он почувствовал что-то странное. Что-то сродни... желанию? Может, это оправдание, попытка объясниться. Да, он не способен на длительные отношения, но это не значит, что он не любит общаться с новыми людьми. Он ни разу не ставил своей целью сделать кому-то больно. Относиться к людям свысока, опекать их по поводу и без, вешать им лапшу на уши – это, пожалуй, гораздо хуже. Уайлд твердо решил быть кристально честным, ничего не приукрашивать и не строить из себя покровителя.

Уайлд всегда спал под открытым небом. Даже в такие ночи.

Трудно было объяснить почему. Иногда он оставлял записку, на несколько часов сбегал в лес, а к утру возвращался. Дело в том, что он не мог уснуть, когда рядом были другие люди.

Все проще простого.

Под открытым небом ему часто снилась мать.

Может, и не мать. Может, другая женщина – из дома с красными перилами. Уайлд этого не знал. Во сне его мать – пока что будем называть ее так – была красива. Длинные золотисто-каштановые волосы, изумрудные глаза, ангельский голос. Неужели его мать и правда так выглядела? Образ был слишком уж идеальный. Скорее фантазия, чем реальность. Вполне возможно, Уайлд выдумал эту женщину. Или видел

ее по телевизору.

Зачастую память требует слишком многого. Памяти нельзя доверять, она всегда стремится заполнить пробелы.

Зазвонил телефон. Хестер.

– Поговорил с Авой О’Брайан? – спросила она.

– Да.

– Видишь, я не лезу с вопросами, откуда ты ее знаешь. Разве я не молодец?

– Вы само благоразумие.

– Так что она сказала?

Уайлд ввел ее в курс дела. Когда он договорил, Хестер заметила:

– Эти ее слова о спокойствии Наоми. Тревожный знак.

– Знаю, – согласился Уайлд.

Решив свести счеты с жизнью, люди зачастую лучатся умиротворением. Решение принято. Как ни странно, гора свалилась с плеч.

– Что ж, у меня есть новости, – сказала Хестер. – Хорошими их не назовешь. – Уайлд ждал. – Мне перезвонила ее мать. Она понятия не имеет, где Наоми.

– Значит, отец соврал, – сказал Уайлд.

– Может быть.

В любом случае Уайлду не помешает нанести визит папаше.

Кто-то выкрикнул имя Хестер. В трубке раздался фоновый шум.

– Все в порядке? – спросил Уайлд.

– Мне скоро в эфир, – ответила Хестер. – Уайлд?

– Да?

– Нужно кое-что сделать, и побыстрее.

– Не уверен, что будет толк.

– Нутром чуешь?

– Какая разница, что я чую, – сказал Уайлд. – Я смотрю на факты.

– Чушь собачья. – После паузы Хестер добавила: – Разве фактам есть дело до этой девочки? Разве факты за нее переживают?

– Не переживают, – согласился он. – Ни за девочку, ни за Мэтью.

Фоновый шум усилился.

– Мне пора, Уайлд. До скорой связи.

Она завершила звонок.

Хестер сидела за новостным столом, на стуле с кожаной спинкой. Стул был для нее высоковат. Ноги едва доставали до пола. Телесуфлер был настроен и готов к запуску. Штатный стилист по имени Лори колдовал над ее прической, вносил завершающие штрихи кончиками пальцев. Гример по имени Брайан подправлял ее макияж косметическим карандашом. Красные часы вели обратный отсчет – совсем как таймер бомбы в телефильме. Эфир начнется меньше чем через две минуты.

Сегодняшний партнер Хестер по передаче играл с телефоном. Хестер на секунду закрыла глаза. Почувствовала, как щек касается кисточка гримера, как пальцы стилиста бережно поправляют волосы. Странно, но вся эта суета ее успокаивала.

Завибрировал телефон. Вздохнув, Хестер открыла глаза и отмахнулась от Лори с Брайаном. Обычно она не отвечала на звонки перед самым эфиром, но сейчас, судя по имени на экране, ей звонил внук.

– Мэтью?

– Ну что, нашла ее?

В приглушенном голосе слышалось отчаяние.

– Почему ты шепчешь? Ты где?

– У Краха дома. Ты поговорила с мамой Наоми?

– Да.

– Что она сказала?

– Она не знает, где Наоми.

Мэтью издал звук, похожий на стон.

– Мэтью, о чем ты молчишь?

– Неважно.

– Важно.

– Забудь, что я звонил, – угрюмо сказал внук. – Ладно?

– Нет, не ладно.

– Десять секунд до эфира! – завопил один из продюсеров.

Второй ведущий сунул телефон в карман и сел ровнее. Повернулся к Хестер, увидел, что она прижимает телефон к

уху, и сказал:

– Э-э-э, Хестер? Вступительное слово за вами.

Продюсер поднял пятерню: до эфира пять секунд. Поджал большой палец: четыре.

– Я перезвоню, – сказала Хестер.

Когда продюсер загнул указательный палец, она положила телефон на стол.

Может показаться, что три секунды – это очень мало, но на телевидении все иначе. У Хестер осталось время, чтобы взглянуть на Эллисон Грант, продюсершу ее передачи, и кивнуть. У Эллисон осталось время, чтобы поморщиться и кивнуть в ответ – показать, что она идет на поводу у Хестер, но делает это без особого желания.

Хестер была к этому готова. Бывает время собирать сведения, а бывает время бросить клич.

Сейчас пришло время бросить клич.

Закончив обратный отсчет, продюсер указал на Хестер.

– Добрый вечер, – сказала она, – и добро пожаловать на передачу «Краймштейн и криминал». Сегодняшний выпуск посвящен – кому же еще? – новому кандидату в президенты Расти Эггерсу и спорам вокруг его предвыборной кампании.

Эта фраза была на телесуфлере. Следующей фразы на телесуфлере не было.

Хестер сделала глубокий вдох. Назвался груздем, полезай...

– Но сперва – горячие новости, – сказала она.

Второй ведущий повернулся к ней и нахмурился.

Дело в том, что Мэтью был напуган. Вот почему у Хестер не осталось выбора. Мэтью был напуган, попросил ее о помощи. И теперь она сделает все, что в ее силах.

По всей стране на экранах телевизоров появилась фотография Наоми Пайн. Единственная фотография, которую смогла найти Эллисон Грант, да и эту раздобыть было непросто. У девочки не было профилей в соцсетях (что в наше время весьма странно), но Эллисон лучше всех умела находить информацию. Откопала сайт фотографа, снимавшего портреты старшеклассников из школы Суитуотер. Как только Эллисон пообещала, что на снимке останутся водяные знаки и логотип, фотограф разрешил показать портрет Наоми в эфире.

– Сегодня вечером, – продолжала Хестер, – девочке из Уэствилла, штат Нью-Джерси, нужна ваша помощь.

На парковке у дома Авы Уайлд прикинул, какие у него есть варианты. Других дел по большому счету не осталось. Время было позднее. Итак, вариант первый: вернуться в дом Краймштейнов и потихоньку пробраться на второй этаж, в спальню к Лейле...

Вот именно. Стоит ли рассматривать другие варианты?

Чтобы подчистить все хвосты, он написал эсэмэску Мэтью: Ты где?

Мэтью: У Краха Мейнарда.

Лейла об этом рассказывала, но Уайлд не был уверен, стоит ли говорить, что для него это не новость.

Уайлд: Наоми там?

Мэтью: Нет.

Уайлд задумался, о чем бы спросить, но увидел пляшущие точки: Мэтью набирал сообщение.

Мэтью: Черт.

Уайлд: Что?

Мэтью: Здесь творится что-то нехорошее.

Пальцы Уайлда двигались не так быстро, как хотелось бы, но он наконец сумел напечатать: Ты о чем?

Нет ответа.

Уайлд: Мэтью?

Утопический образ первого варианта – теплая Лейла в спальне, под одеялом, читает правовые документы – встал перед глазами так отчетливо, что Уайлд почувствовал аромат ее кожи.

Уайлд: Эй?

Нет ответа. Образ Лейлы превратился в дым и растаял в небесах.

Проклятье.

Уайлд вырулил на дорогу и помчался к Мейнард-Мэнор.

Глава седьмая

Мэтью был в гостях у Краха Мейнарда, в огромном особняке на вершине холма.

Снаружи дом выглядел старым и немного готическим, с мраморными колоннами. Мэтью вспомнил, как бабушка возила его в пафосный гольф-клуб на вручение приза одному из ее клиентов. Он помнил, что Хестер там не понравилось. Попивая вино – как оказалось позже, с вином она перестаралась, – бабушка шурилась все сильнее и сильнее. Хмуро водила глазами по комнате, бормотала себе под нос что-то насчет серебряных ложечек, привилегий и междоусобиц браков. Когда Мэтью спросил, что не так, Хестер смирила его взглядом и во всеуслышание сказала: «Ты наполовину еврей, наполовину черный. Так что для тебя двойной запрет на посещение этого клуба». Помолчав, подняла палец и добавила: «А может, двойная привилегия». Пожилая дама – ее белоснежные волосы были взбиты и залиты лаком – начала шипеть и цыкать в ее адрес, и Хестер посоветовала ей пойти просрать.

Вот такая у Мэтью бабушка. Если есть хоть малейшее пространство для ссоры, бабуля своего не упустит.

Это и унизительно, и приятно. Унизительно – ну, по очевидным причинам. Приятно, потому что Мэтью знал: бабушка всегда его прикроет. В этом он не сомневался. Да, она ми-

ниатюрная, и ей семьдесят лет – ну и что? Мэтью всегда ее боготворил.

На «вечеринке» (родители настаивали на таком названии) было человек десять. На самом деле это была не вечеринка, а обычное сборище на «цокольном этаже» – родителям Краха не нравилось называть это помещение подвалом. Пожалуй, самое крутое место из всех, где бывал Мэтью. Снаружи дом выглядел старомодно, но внутри – настоящее произведение искусства. Домашний кинотеатр был устроен по аналогии с натуральным кинотеатром: современный цифровой звук, больше сорока кресел. В зале был бар вишневого дерева, а рядом с ним – настоящий «взрослый» аппарат для попкорна. В коридорах висели винтажные киноафиши и кадры из телепередач папы Краха. Игровой зал был миниатюрной копией «Сильверболла», знаменитого зала игровых автоматов на променаде Асбери-парка. В конце одного из коридоров был винный погреб с дубовыми бочками. В конце другого – подземный ход к полноразмерной баскетбольной площадке, точной копии – да, здесь было полно точных копий – площадки «Никс» в Мэдисон-сквер-гарден.

Никто не пошел ни на баскетбольную площадку, ни в зал с игровыми автоматами. Даже кино смотреть не стали, не было настроения. Мэтью бывал здесь нечасто. Почти всю жизнь он не очень-то ладил с популярными ребятами, но в последнее время сумел пробраться в их тусовку. По правде говоря, ему очень нравилось в этой компании. Здесь твори-

лись крутейшие вещи. Например, Крах отмечал свой прошлый день рождения на Манхэттене. Его папа заказал целый кортеж черных лимузинов, а само мероприятие прошло в огромном здании бывшего банка. Всех парней «сопровождали» бывшие участницы реалити-шоу Дэша Мейнарда «Красотки в нижнем белье». Роль диджея исполнял знаменитый телеведущий, и, когда он крикнул: «Поприветствуем виновника торжества и моего лучшего друга», Крах въехал в зал на белом коне – реально, на белом коне, – а отец следовал за ним, сидя за рулем собственного подарка, красной «теслы».

Сегодня почти все ребята собрались в «обычной» ТВ-комнате с девяностовосьмидюймовым «Samsung 4K Ultra HD» на стене. Крах с Кайлом рубились в видеофутбол, а остальные – Люк, Мейсон, Кейтлин, Дарла, Райан и, конечно, Саттон, куда ж без нее, – развалились на дорогуших креслах-мешках в таких позах, словно их сбросила с неба какая-то гигантская тварь. Почти все были под кайфом. Калейб с Брианной уединились в комнате чуть дальше по коридору – наверное, переводят дружбу на новый уровень.

Здесь было темно. В голубоватом свете телевизора и смартфонов лица одноклассников Мэтью казались мертвенно-бледными. Саттон сидела справа, как ни странно – в одиночестве. Мэтью хотелось воспользоваться этим шансом, и он все думал, как бы придвинуться к ней поближе. Еще с седьмого класса он был безответно влюблен в Саттон – с ее почти что сверхъестественным самообладанием, светлыми

волосами, идеальной кожей и пробирающей до костей улыбкой, – а Саттон всегда вела себя мило и дружелюбно. Она знала, как держать ребят вроде Мэтью в зоне друзей. В таких делах у нее был черный пояс шестого дана.

На огромном экране кватербек Крах сделал бросок на пятнадцать ярдов. Дело закончилось тачдауном. Крах вскочил на ноги, исполнил победную пляску и крикнул в лицо Кайлу:

– На тебе!

Некоторые из присутствующих вяло рассмеялись, не отрываясь от своих смартфонов. Крах огляделся по сторонам. Наверное, ожидал более живой реакции, но ее не было.

Во всяком случае, не сегодня.

Сегодня в комнате стоял душок страха и отчаяния.

– Кто-нибудь желает перекусить? – спросил Крах. – Никто не ответил. – Ну же, кто, кроме меня?

Кто-то нерешительно подал голос. Этого было достаточно. Крах стукнул по кнопке интеркома.

– Да, мистер Крах, – сказал женский голос с мексиканским акцентом.

– Роза, можно нам начос и кесадили?

– Конечно, мистер Крах.

– И еще принесите домашний гуак, хорошо?

– Конечно, мистер Крах.

Крах вернулся к игре. Люк с Мейсоном потягивали пиво. Кейтлин с Райаном раскуривали один косяк на двоих, Дарла

парила «джул» с каким-то новым ароматом. В этой комнате отец Крэша курил сигары, и с ней что-то сделали, чтобы вы не могли по-настоящему почувствовать запах нового дыма. Кейтлин протянула электронную сигарету Саттон. Та взяла ее, но к губам подносить не стала.

– Блин, обожаю Розин гуак, – сказал Кайл.

– Скажи? Дай пять!

Крах с Кайлом хлопнулись ладонями. Кто-то – наверное, Мейсон – вымученно засмеялся. К нему присоединился Люк, потом Кейтлин, потом все остальные, кроме Мэтью и Саттон. Мэтью не понимал, над чем все смеются – над Розиным гуакамоле? – но смех звучал донельзя фальшиво. Такое чувство, что все пытаются вести себя как нормальные люди. Прямо из кожи вон лезут.

– Она зарегистрировалась в приложении? – спросил Мейсон.

Тишина.

– В том смысле, что...

– Нет, – перебил его Крах. – Мне приходят оповещения.

Снова тишина.

Мэтью выскользнул из комнаты. Чтобы хоть как-то уединиться, ушел в винный погреб. Закрыв дверь, уселся на бочку с надписью «Виноградники Мейнарда» – да, у них были свои виноградники – и позвонил бабушке.

– Мэтью?

– Ну что, нашли ее?

– Почему ты шепчешь? Ты где?

– У Краха дома. Ты поговорила с мамой Наоми?

– Да.

У Мэтью заколотилось сердце.

– Что она сказала?

– Она не знает, где Наоми.

Он закрыл глаза и застонал.

– Мэтью, о чем ты молчишь?

– Не важно.

– Важно.

Но он не мог ничего сказать. Пока что не мог.

– Забудь, что я звонил. Ладно?

– Нет, не ладно.

В динамике раздался громкий мужской голос:

– Десять секунд до эфира! – Другой голос пробормотал что-то неразборчивое.

– Я перезвоню, – сказала Хестер и отключилась.

Не успел Мэтью убрать телефон, как знакомый голос окликнул:

– Эй.

Мэтью повернулся ко входу в винный погреб. У двери стояла Саттон, пытаясь проморгаться после темной ТВ-комнаты.

– Привет, – сказал он.

В руке у Саттон была бутылка пива.

– Будешь?

Он помотал головой: вдруг Саттон решит, что это мерзко, обмениваться с ним микробами и все такое. С другой стороны, она сама предложила, верно?

Саттон обвела глазами винный погреб – так, словно видела его впервые, хотя всегда была вхожа в тусовку популярных ребят. Всегда, без исключений.

– Чего ты здесь сидишь? – спросила она.

Мэтью пожал плечами:

– Не знаю.

– Ты сегодня сам не свой.

Удивительно, что Саттон это заметила. Он снова пожал плечами. Блин, ну что тут скажешь, неважный из него ухажер.

– Знаешь, все с ней нормально. – Вот так просто. – Мэтью?

– Тебе известно, где она?

– Нет, но... – Пришел ее черед пожимать плечами.

Завибрировал телефон. Мэтью украдкой глянул на экран: Ты где?

Эсэмэска была от Уайлда. Мэтью быстро набрал ответ: У Краха Мейнарда.

Наоми там?

Нет.

Саттон подошла ближе:

– За тебя волнуются.

– Кто?

– Крах, Кайл, остальные. – Она смотрела на него своими

голубыми глазами. – И я тоже.

– Я в норме.

Теперь завибрировал ее телефон. Она прочла эсэмэску и широко раскрыла глаза.

– О господи.

– Что?

Она подняла на него роскошные глаза:

– Ты что?..

Из коридора донесся шум.

Мэтью напечатал:

Черт.

Уайлд: Что?

Когда в погреб ворвался Крах, Мэтью отправил сообщение:

Здесь творится что-то нехорошее.

Вслед за Крахом вошел Кайл. В руках у обоих были смартфоны. Крах бросился к Мэтью – так стремительно, что Мэтью вскинул кулаки, готовясь заблокировать удар. Крах остановился, поднял руки – мол, сдаюсь – и улыбнулся.

Улыбка была масляная. Мэтью почувствовал, как в животе что-то перевернулось.

– Тихо, тихо, – сказал Крах утешительным тоном, но Мэтью показалось, что по спине у него скользнула змея. – Давай-ка сбавим обороты.

У Краха Мейнарда была приятная внешность – волнистые черные волосы, задумчивое лицо, как у паренька из бой-бэн-

да, стройное тело, одетое по последнему писку моды. Присмотревшись, ты понимал, что на самом деле Крах не представляет собой ничего особенного. Что у него нет никаких талантов. Но, как однажды пошутила Хестер, когда хотела, чтобы Мэтью встретался с девочкой из богатой семьи: «Настоящая красавица, когда стоит на куче денег».

Крах никогда не снимал крупного серебряного перстня с улыбающимся черепом. На его тонком гладком пальце этот череп выглядел весьма нелепо.

Продолжая маслено улыбаться, Крах поднял смартфон и повернул его экраном к Мэтью:

– Не желаешь объясниться?

Он провел по экрану пальцем с перстнем. Мэтью показалось, что череп ему подмигнул. На экране ожил видеоролик: сперва знакомая новостная заставка, затем лицо Хестер.

Но сперва – горячие новости...

Лицо Хестер сменилось фотографией Наоми.

Сегодня вечером девочке из Уэствилла, штат Нью-Джерси, нужна ваша помощь. Наоми Пайн пропала по меньшей мере неделю назад. С тех пор ее никто не видел. Требований о выкупе не поступало, но друзья девочки считают, что ей может грозить опасность...

О нет...

Сердце Мэтью ушло в пятки. Он не думал, что бабуля даст эту историю в эфир. Или он втайне на это надеялся? Неудивительно, что новости так быстро (если верить таймеру при-

ложения, прошло меньше двух минут) расползлись по друзьям. В современном мире так все и работает. Может, кто-то из ребят увидел новостной блок про Наоми Пайн, или чья-нибудь мать его посмотрела и тут же написала своему чаду эсэмэску: Эта девочка не из вашей школы?!?! – или кто-то из тусовки подписан на канал Си-эн-эн в «Твиттере». В наше время новости расходятся в мгновение ока.

– Это твоя бабушка, так? – Улыбка Краха не померкла.

– Ну да, но...

– Но? – Крах взмахнул рукой с перстнем-черепом, как будто поманил к себе: давай выкладывай. – (Мэтью ничего не сказал.) – Ты что-то ей рассказывал? – насмешливо спросил Крах.

– Чего? – Мэтью напустил на себя оскорбленный вид. – Конечно же нет.

Все еще с улыбкой – теперь она была похожа на улыбку черепа на перстне – Крах шагнул вперед и положил руки на плечи Мэтью. Затем без предупреждения ударил его коленом в пах, одновременно надавив на плечи, чтобы удар вышел посильнее.

От удара Мэтью привстал на цыпочки.

Его тут же накрыла волна всепоглощающей, добела раскаленной боли. Глаза наполнились слезами. Все системы организма выключились. Колени подломились, он упал на пол. Из желудка, парализуя легкие, хлынула новая волна боли. Мэтью подтянул колени к груди и свернулся в позу эмбрио-

на.

Крах наклонился. Губы его оказались возле уха Мэтью.

– Ты что, за дурака меня держишь? – Мэтью лежал щекой на деревянном полу. Он по-прежнему не мог дышать. Такое чувство, что в нем что-то надломилось: раз и навсегда. – Ты приехал сюда с Люком и Мейсоном. Они говорят, что, когда подружили к твоему дому, ты разговаривал с бабушкой.

Дыши, заставляя себя Мэтью. Старайся дышать.

– Что ты ей сказал, Мэтью?

Скрежетнув зубами, он сумел открыть глаза. Кайл стоял у двери, на шухере. Саттон не было видно. Это она его подставила? Неужели она и правда так с ним?.. Нет. Саттон не могла знать, что покажут по телевизору. И она бы не стала...

– Мэтью?

Он поднял глаза. Тело все еще раздирала боль.

– Ты же понимаешь, что мы можем тебя убить и нам за это ничего не будет?

Он не шевелился. Крах сложил ладонь в кулак и показал Мэтью серебряный череп:

– Что ты рассказал бабушке?

Глава восьмая

Двумя этажами выше винного погреба, в круглой башенке над западным крылом огромного особняка, сидели Дэш Мейнард и его жена Делия. Сидели в бордовых кожаных креслах с боковинами для защиты от сквозняков, перед огромным газовым камином с керамическими «березовыми» поленьями. Эту башенку пристроили к дому три года назад. Здесь была библиотека – такая же, как в фильме «Красавица и чудовище», – с дубовыми полками от пола до потолка и лестницей на колесиках, скользящей по медным рельсам.

Дэш Мейнард читал биографию Тедди Рузвельта. Он всегда обожал историю, но стать ее частью? Нет уж, увольте, такое ему неинтересно. До того как выйти на проектную мощность с передачей «Расти-шоу», посвященной саморазвитию, а потом с новым жанром, получившим на телевидении название «игралити-шоу» (не самая удачная амальгама слов «игра» и «реалити-шоу»), Дэш Мейнард был видным режиссером документальных фильмов. Получил «Эмми» за жгучую короткометражку о нанкинской резне 1937 года, снятую для государственных каналов. Дэш любил закапываться в исследования, брать интервью, снимать эпизоды на натуре, но его звездный час наступал в монтажной комнате. Там Дэш обращал бесчисленные часы видеоматериала в захватывающую историю.

Делия Риз Мейнард, завкафедрой политологии в Рестонском колледже (до него было рукой подать), просматривала контрольные работы студентов. Дэш любил наблюдать, как жена читает контрольные работы, хмурит бровь, поджигает губу, медленно кивает, если ей нравится какой-нибудь пассаж. Летом Дэш и Делия (некоторые в шутку называли их «два Д») отметили двадцать пятую годовщину свадьбы. Вывезли шестнадцатилетнего Краха и четырнадцатилетних дочерей-двойняшек Киру и Кару в путешествие на яхте по Балтийскому морю. Днем вставали на якорь в бухте какого-нибудь богом забытого острова, купались, гоняли на аквабайках и водных лыжах. После обеда, ближе к вечеру, заплывали в порты Санкт-Петербурга, Стокгольма или Риги. Чудесное было путешествие.

Теперь Дэш вспоминал это время – семейный отпуск вдали от этой проклятой страны – как затишье перед бурей.

Им повезло. Он это знал. Их называли «голливудской элитой», но Дэш родился и вырос в скромном таунхаусе на три семьи в районе Бедфорд-Стайвесант в Бруклине. Отец с матерью работали преподавателями в главном корпусе Хантерского колледжа в Манхэттене. Отец назвал сына Дэшем в честь любимого писателя Дэшила Хэммета. Дэш и Делия приглянулись друг другу – по-настоящему приглянулись – в вашингтонской букинистической лавке, где копались в развалах старых детективов, выискивая первые издания Рэймонда Чандлера, Агаты Кристи, Найо Марш и, конечно, Дэ-

шила Хэммета. В те времена оба были практикантами в Капитолии, получали скромную зарплату и, само собой, антикварные редкости были им не по карману. Теперь же в этой комнате была одна из лучших библиотек на свете.

Как говорится, это жизнь, ее не обманешь.

Последние десять лет – с тех пор, как продюсерская компания Дэша пробилась в высшую лигу с передачей о звездах, полгода живущих инкогнито среди обычных американцев, – Дэш и Делия пытались найти золотую середину между славой, деньгами, семейными ценностями и научной работой, перед которой оба благоговели. Определиться было непросто, ибо центр тяжести находился в постоянном движении.

В большинстве случаев им удавалось держать равновесие. Конечно, Крах избалован и временами ведет себя импульсивно, а у Киры легкая форма депрессии, но в современном мире это вариант нормы. Сами Дэш и Делия были близки, ближе не бывает. Вот почему такие вечера – сын закатил небольшую вечеринку на цокольном этаже, а родители могут посидеть вместе и помолчать – так много для них значили.

Дэш обожал такие моменты. Наслаждался ими. Всю жизнь бы так просидел.

Но у него не было такой возможности.

В дверь библиотеки постучали. Гэвин Чеймберс, отставной полковник морской пехоты, ушедший на вольные хлеба частной охраны, вошел в комнату, прежде чем Дэш успел сказать: «Войдите». Чеймберс все еще выглядел как завзя-

тый морпех: прямой как жердь, стриженный под машинку, с немигающим взглядом.

– Что случилось? – спросил Дэш. – Чеймберс многозначительно взглянул на Делию: дескать, не лучше ли даме выйти? Дэш нахмурился. Делия не шевельнулась. – Говорите, – велел Дэш.

– По телевизору только что сказали, – начал Чеймберс, – что пропала девочка. Ее зовут Наоми Пайн.

Дэш взглянул на Делию. Она пожала плечами:

– И?..

– Это одноклассница Краха. По некоторым дисциплинам.

– Я не вполне понимаю...

– Уже некоторое время она общается с вашим сыном. По большей части через текстовые сообщения. Что касается человека, сообщившего о ее исчезновении... Это Хестер Краймштейн. Ее внук Мэтью сейчас внизу, с Крахом.

Делия положила контрольные работы на журнальный столик.

– Все равно не могу понять, как это нас касается, полковник.

– Я тоже... – сказал Чеймберс.

– Итак?

– Пока что. – Чтобы подчеркнуть свою мысль, Чеймберс повторил последнюю фразу: – Я тоже не могу понять пока что. – Вытянувшись по стойке смирно, он смотрел прямо перед собой. – Не считите за грубость, но я не верю в совпаде-

ния. Особенно сей-час.

– И что, по вашему мнению, мы должны сделать?

– Думаю, нужно поговорить с вашим сыном. Выяснить, как он связан с Наоми. – У Чеймберса зажужжал телефон. Он резко поднес его к уху, словно отдавал честь старшему по званию. – Да?

Через три секунды Гэвин Чеймберс спрятал телефон в карман и сказал:

– Не выходите из комнаты. Кое-что случилось.

Уайлд мчался по Скайлайн-драйв в сторону Мейнард-Мэнор (черт, какое напыщенное название) и надеялся, что вот-вот завибрирует телефон. Что придет новая эсэмэска от Мэтью.

Но этого не произошло.

Уайлд крутил в голове последнее сообщение. Казалось, текст его поддразнивает: «Здесь творится что-то нехорошее».

Пусть Уайлд не полагался на чутье (так он сказал Хестер), но, когда он свернул на подъездную дорожку особняка, инстинкт напомнил ему: не забудь про эту фразу.

Здесь творится что-то нехорошее.

Поместье Мейнард-Мэнор занимало тридцать акров на вершине холма. Спорная территория: жители Рамапо заявляли на нее свои права. Здесь была конюшня на десяток лошадей, трасса для скачек с препятствиями, бассейн, теннис-

ный корт... Чего тут только не было. Посреди всего этого великолепия расположился дом в неогеогианском стиле. Его построил нефтяной магнат, дитя ревуших двадцатых. Содержать особняк в тридцать пять комнат было настолько дорого, что его попросту бросили. Он пришел в запустение и простоял так почти четверть века, пока его не выкупил Дэш Мейнард, крупный телевизионный продюсер и владелец кабельного канала. Они с женой Делией вернули дому бывшее величие. Пожалуй, даже с лихвой.

Уайлду пришлось остановиться у богато украшенных ворот. Отсюда до дома была добрая четверть мили – в гору. Уайлд не видел ничего, кроме огоньков вдаль. Одной рукой он нажал на кнопку интеркома, а другой достал телефон: мало ли, не почувствовал вибрации.

От Мэтью ни слова.

Он набрал еще одну эсэмэску:

Я у ворот особняка.

– Что вам угодно? – спросил интерком.

Уайлд заранее вынул из кармана водительские права. Теперь он поднес их к камере.

– Я приехал за Мэтью Краймштейном. – Тишина. – Мэтью – друг Краха.

– Кем вы ему приходитесь?

– Вы про Мэтью?

– Да.

Станный вопрос.

– Я его крестный.

– Какова цель вашего визита?

– Я приехал его забрать.

– Он прибыл на автомобиле Мейсона Пэди. Нам сообщили, что на нем он и отбудет.

– Что ж, планы изменились.

Тишина.

– Алло? – сказал Уайлд.

– Минутку, пожалуйста.

Прошло какое-то время.

Уайлд снова нажал на кнопку интеркома.

Ответа не последовало.

Он еще раз нажал на кнопку и не стал отпускать палец.

Бесполезно.

Он осмотрел ворота. Проводов не было. Значит, ограда не под напряжением. Это хорошо. Забор высокий, шипастый, но ни то ни другое не проблема. И еще тут, разумеется, полно камер видеонаблюдения. Тоже не проблема. В любом случае Уайлд хотел, чтобы его заметили.

Он свернул на парковку у ограды и вышел из машины. Смерил ворота взглядом. Если навскидку, футов двенадцать. Расстояние между прутьями – шесть дюймов. Подниматься нужно по стыку створок – там прутья толще. Взять разбег, вверх и на ту сторону. Уайлд всю жизнь лазал по горам, деревьям, скалам, стенам. Ребенком, солдатом, гражданским человеком. Эти ворота, пусть даже и с шипами на прутьях,

его не остановят.

Он сделал два широких шага в сторону ворот. Из динамика донесся голос:

– Стоять. Не...

Остального Уайлд не слышал.

Он подпрыгнул до середины ворот, оттолкнулся ногами от прутьев, сделал рывок вверх – словно бежал по вертикальной поверхности, – обеими руками ухватился за прутья, поджал ноги. Перекинул тело через ворота, разжал левую руку, распрямил ноги. Чтобы сбавить скорость, уперся подошвами ботинок в железки по ту сторону ворот. Разжал правую руку, спрыгнул на землю и увидел, что к нему мчатся два автомобиля.

Не один автомобиль. Целых два.

Это уже перебор.

А может, и нет. В последнее время Дэш Мейнард часто мелькал в новостях. Ходили слухи (Дэш Мейнард наотрез все отрицал), что во время своих передач он записывал гостей на видео – всё без исключения, даже разговоры в гримерных. Если верить слухам, эти записи могли погубить многих знаменитостей и политических деятелей, в первую очередь – Расти Эггерса, в прошлом гуру саморазвития, а ныне – сенатора США и перспективного деспота, ведущего успешную президентскую кампанию.

Обе машины развернулись фарами к Уайлду и остановились, скрипнув тормозами. Из машин вышли четверо, по

двое из каждой. Уайлд держал руки на виду. Меньше всего ему хотелось, чтобы кто-то сделал какую-нибудь глупость.

Двое слева, здоровенные парни, направились в его сторону. У обоих амбалов грудь колесом, оба размахивают руками, изображая альфа-самцов. Пожалуй, тоже перебор. На одном была толстовка с капюшоном, на другом – у него были длинные крашеные волосы в стиле киношного Тора – скверно сидящий пиджак.

Скверно сидящий, отметил про себя Уайлд, из-за кобуры с пистолетом под левой подмышкой.

Уайлд не раз видел ребят, похожих на эту парочку. Проблем с ними не будет, но вот пистолет... Он собрался с мыслями, прикидывая варианты, но мужчина, вышедший из машины справа, – седые волосы, короткая стрижка, военная выправка – поднял руку, и двое слева остановились. Ясно, он тут за главного.

– Здравствуйте! – крикнул седой, обращаясь к Уайлду. – Ловко вы оградку перепрыгнули.

– Спасибо.

– Пожалуйста, продолжайте держать руки на виду.

– Я не вооружен.

– Дальше мы вас пустить не можем.

– Дальше мне и не нужно, – сказал Уайлд. – Я пришел за крестником, Мэтью Краймштейном.

– Понимаю. Но у нас тут свои правила.

– Правила?

– Все несовершеннолетние, приехавшие сегодня в особняк, сообщили, как будут добираться обратно, – начал седой. Голос его звучал на редкость рассудительно. – Мы четко объяснили, что сегодня вход только для приглашенных или прошедших надлежащую проверку. Мэтью Краймштейн приехал сюда с Мейсоном Пэди. Сказал, что уедет с ним же. И тут являетесь вы, как снег на голову... – Он развел руками, являя собой само благоразумие. – Видите, в каком мы затруднительном положении?

– Так свяжитесь с Мэтью.

– Когда приходят гости, мы им не мешаем. Такое у нас правило.

– Много у вас правил, – заметил Уайлд.

– Иначе не будет порядка.

– Я хочу видеть крестника.

– Боюсь, в данный момент это невозможно. – За спиной у Уайлда открылись ворота. – Теперь же я вынужден попросить вас уйти.

– Угу. Как бы не так.

Уайлду показалось, что седой улыбнулся.

– Я попрошу вас еще раз.

– Мэтью прислал мне эсэмэску. Просил забрать его отсюда. И я его заберу.

– Вы не могли бы выйти за ворота?

– Угу. Повторяю: как бы не так.

Амбалам не нравилось поведение Уайлда. Оба нахмури-

ли кустистые брови. Крашенный Тор повернулся к седому в надежде получить разрешение на перевод конфликта на следующий уровень.

– У вас нет законного права находиться здесь, мистер Уайлд. – Услышав свое имя, Уайлд оторопел, но лишь на долю секунды. Он же показал в камеру свое водительское удостоверение. – Вы не отец этого мальчика, верно? – Седой улыбнулся. Он знал ответ на этот вопрос – не только потому, что Уайлд представился крестным отцом Мэтью. Похоже, он был в курсе всей истории. – К тому же вы, перепрыгнув через ограду, незаконно вторглись в чужие владения. – Амбалы шагнули вперед. Уайлд смотрел прямо перед собой, на главного, но краем глаза заметил, что Тор подбирается все ближе, чуть пригнувшись, словно он не Тор, а ниндзя-невидимка. Уайлд не стал к нему поворачиваться. – Мы имеем право применить физическую силу, чтобы пресечь ваши действия, – сказал седой.

Вот оно. Сейчас все стоят на краю обрыва, с которого в прошлом сорвалось великое множество людей. Шаг вперед – и начнется кровопролитие. Уайлд все еще надеялся, что они не станут делать этот шаг. Не станут рисковать – ведь такое происшествие попадет в новости и социальные сети. Масло в огонь. Но как знать. Край обрыва – скользкая штука. Самый тщательный план может пойти коту под хвост.

Не важно, чего желает человек, добра или зла. Проблема в том, что люди редко задумываются о последствиях своих

действий.

Короче говоря, иногда люди творят откровенные глупости.

И тут все изменилось.

Сперва перемену заметил один лишь Уайлд. Он – и только он – единолично владел этой информацией несколько недолгих секунд. Может, две секунды. Может, три, не больше. По истечении этих секунд его преимущество – он надеялся, что перемена сыграет ему на руку, – сойдет на нет.

Уайлд называл такое ощущение пертурбацией.

Другие называли его знамением, предвестником, предчувствием, придавая и без того выдающимся способностям Уайлда сверхъестественную окраску. Но в этом ощущении не было ничего сверхъестественного. Человек тысячелетиями адаптировался и к добру, и к худу. Вот один из недавних примеров: навигация GPS. Исследования показывают, что некоторые участки нашего мозга – гиппокамп (отвечающий за навигацию) и префронтальная кора (отвечающая за планирование) – уже меняются (возможно, даже атрофируются), потому что мы всецело полагаемся на навигационные приборы. Это произошло за несколько лет. Взгляните на историю человечества с того момента, когда мы жили в лесах и пещерах, спали (фигурально выражаясь) с открытыми глазами, были беззащитны и в первую очередь стремились обеспечить себе выживание. А теперь посмотрите, сколь многое изменилось, когда мы поселились в домах, научились за-

пирать двери, пошли на компромисс с цивилизацией. Так вот, Уайлд не пошел на этот компромисс. Сколько он себя помнил, им всегда руководили первобытные инстинкты. Он всегда предвосхищал нападение хищника. Научился улавливать любое изменение в окружающей обстановке, чувствовать любую пертурбацию.

Разумеется, в природе такое умение встречается довольно часто – например, у животных со сверхчувствительным зрением, слухом или обонянием. Они пускаются в бегство, когда опасность еще далеко. Уайлд тоже так умел.

В общем, он услышал звук. Другие его не услышали. Пока что.

Просто шорох, больше ничего. Но в их сторону кто-то бежал. Не один человек, а несколько. Кто-то был в опасности, бежал со всех ног. И его преследовали.

Не сводя глаз с седого, Уайлд скользнул чуть ближе к Тору. Он хотел оказаться как можно ближе к человеку с пистолетом.

Секунду спустя Уайлд услышал вопль:

– Помогите!

Мэтью.

В этот момент на смену инстинктам пришла военная подготовка. Инстинкт велел броситься на голос крестника. Это естественная реакция, но Уайлд был к ней готов. Крик раздался за спиной у седого, чуть выше по склону холма. Все головы повернулись в ту сторону. Тоже естественная реак-

ция, и вполне ожидаемая. Если не знать, что крик открывает окно возможностей, непременно на негоотреагируешь.

Тор тоже обернулся на крик Мэтью.

То есть отвернулся от Уайлда.

Вот и все, что нужно. Уайлд управился за секунду, не больше. Выбросил вперед левую руку, ударил Тора локтем в висок. В тот же момент – Тор даже попятиться не успел – правая рука Уайлда скользнула ему под пиджак. Пальцы нащупали рукоять пистолета в кобуре под мышкой.

Когда Мэтью снова крикнул: «Помогите!», Тор лежал на земле, а Уайлд стоял с пистолетом на изготовку, целясь то в седого, то в остальных двоих, то снова в седого.

– Только моргните, тут же пристрелю, – сказал он.

Тор, застонав, потянулся к Уайлду. Уайлд ударил его ногой по голове. Топот на подъездной дорожке становился громче. Все ждали. Через секунду из-за поворота вынырнул Мэтью. Он неся так, словно спасался от смерти. Двое других ребят отстали от него, но ненамного.

Мэтью остановился, остальные двое – тоже. У всех на лицах читалось замешательство.

– Ступай за ворота, – велел Уайлд. – Сядь в машину.

– Но...

– Кому сказано?

– Да мы играли, только и всего, – произнес один из двоих ребят. – Скажи ему, Мэтью. Скажи, что мы играли.

– Стой у меня за спиной, Крах. – Выставив вперед руки,

седой закрыл говорившего своим телом.

– Это просто игра, – сказал Крах.

– Игра, – повторил Уайлд.

– Ага. Называется «Полночный череп». – Крах показал Уайлду перстень с улыбающимся черепом. – Вроде ночных догонялок. Скажи ему, Мэтью.

Мэтью не шевелился. Глаза у него блеснули, он чуть не плакал. Вдалеке заурчал автомобильный мотор. Подкрепление.

– Мэтью, в машину. Живо!

Мэтью вышел из ступора и побежал к воротам. Уайлд пошел следом за ним – спиной вперед, держа остальных на мушке. Он не сводил глаз с седого. Седой у них главный. Остальные ничего не сделают без его команды. Седой кивнул, словно сказал: «Ладно, уматывай, не будем тебя задерживать».

Через десять секунд Уайлд вдавил педаль газа в пол. Мэтью сидел рядом.

Глава девятая

Когда Хестер вернулась в лимузин, начали поступать звонки.

Неудивительно. Когда бросаешь гранату – вроде истории о пропавшей девочке – что-нибудь да взорвется. Честно говоря, на это она и надеялась: что кто-то заявит о себе, что-нибудь сделает, допустит ошибку, и ясно станет, что произошло на самом деле. Взвесив все «за» и «против», оценив возможные варианты, Хестер пришла к выводу, что девочка сбежала. Не исключено, что подумывает о самоубийстве. Да, если этот ужасный шаг уже сделан, ничего не попишешь, как бы бессердечно это ни звучало. Но если Наоми только что приняла таблетки, перерезала запястья или стоит где-нибудь на мосту или на краю высоты, сейчас самое время ее спасти.

Однако ситуацию нужно рассматривать со всех сторон. Не исключено, что поступок Хестер ускорит события. Возможно, девочка ударится в панику и что-нибудь с собой сделает. Или, если ее похитили, преступники решат ее убить. Хестер понимала, чем рискует. Но она была не из тех, кто способен сидеть сложа руки.

На экране смартфона высветилась надпись: «ШЕФ ПОЛИЦИИ УЭСТВИЛЛА». «Орен», – подумала Хестер и ответила на звонок.

– Быстро ты, – сказала она.

– То есть?

– То есть я польщена, Орен, но в следующий раз подожди пару дней. Иначе складывается ощущение, что ты места себе не находишь.

– Я и правда места себе не нахожу. Что за чертовщину ты устроила в эфире?

– Ты смотрел? Спасибо, что любишь мою передачу.

– Ты и правда думаешь, что я в настроении шутить?

– С исчезновением Наоми что-то не так, – сказала Хестер.

– Значит, нужно было прийти ко мне.

– Я приходила. Что, забыл?

– Не забыл. Так что изменилось?

– Отец сказал, что Наоми у матери. Мать сказала, что девочки у нее нет. Учительница...

– погоди. Ты что, говорила с ее учительницей?

– Она то ли учительница рисования, то ли методист, не помню. Ава. Фамилию тоже не помню.

– Когда ты успела с ней поговорить?

Вот он, проблемный момент.

– Я с ней не говорила. С ней говорил Уайлд. – Молчание. – Орен?

– Уайлд? Ты что, и Уайлда в это втянула?

– Слушай, Орен... Наверное, нужно было тебя предупредить перед выходом в эфир...

– Наверное?

– ...но у меня очень дурное предчувствие. Брось на это

дело своих людей. – (Тишина.) – Орен?

– Мэтью попросил тебя о помощи, – сказал Орен. – Почему? – (Настал ее черед молчать.) – Что бы ни скрывал твой внук, ему пора все рассказать. И ты сама это знаешь.

Отъезжая от Мейнард-Мэнор, Уайлд спросил:

– Что случилось?

– Крах же сказал. – Мэтью поморщился. Он до сих пор не мог отдышаться. – Мы играли в игру.

– Ты что, планируешь мне врать?

– Только маме не рассказывай. – Мэтью сморгнул слезы.

– Я и не собираюсь.

– Хорошо.

– Потому что ты сам ей все расскажешь.

– Ну уж нет. Тебе расскажу, а ей нельзя.

– Извини, так не получится.

– Тогда я и тебе ничего не расскажу.

– Еще как расскажешь, Мэтью. Обо всем, что случилось.

А потом и матери расскажешь.

Мэтью повесил голову.

– Понял?

– Понял.

– Итак, что случилось?

– Ты знал о планах бабули?

– О планах?

– Она рассказала про Наоми по телевизору. Теперь всем

известно, что она пропала.

Уайлд предполагал, что она так поступит. Хестер волновалась, что след простынет. А что может быть лучше полномасштабных поисков?

– Что она сказала?

– Я, вообще-то, не слышал, – ответил Мэтью. – Но Крах и остальные, они все слышали.

– Им это не понравилось? – (Мэтью заморгал.) – Мэтью?

– Крах двинул коленом мне по яйцам. – Глаза Мэтью вновь наполнились слезами. Несколько слезинок протекли на щеки.

Уайлд стиснул руки на баранке.

– Они спрашивали, что я ей рассказал. Представилась возможность, и я решил сбежать.

– Теперь ты в норме?

– Угу.

– Отвезти тебя к врачу?

– Нет. Поболит и перестанет.

– Скорее всего. Какое отношение Крах имеет к Наоми?

– Не знаю. Тут такое дело...

– Какое?

– Только никому не рассказывай. О Наоми. О сегодняшнем вечере.

– Мэтью, ну что ты заладил?

– Я придумаю, как поговорить с мамой. Но только завтра, ладно? Сегодня не буду.

Свернув на улицу Мэтью, Уайлд услышал полицейскую сирену. Увидел синие огни патрульного автомобиля.

– Немедленно остановитесь, – велел голос, усиленный громкоговорителем.

До дома оставалось не больше двух сотен ярдов по прямой, поэтому Уайлд высунул руку в окно и показал, что собирается продолжить движение. Снова ухнула сирена. Патрульный автомобиль поравнялся с «БМВ».

– Немедленно! – повторил голос из динамика.

И Мэтью, и Уайлд знали, что этот голос принадлежит Орену Кармайклу. По тону было ясно, что спорить бессмысленно. К удивлению Уайлда, Орен подрезал его, вынудив прижаться к обочине. Открыл дверцу патрульного автомобиля и направился к «БМВ». К тому времени как он подошел вплотную, Уайлд уже опустил окно:

– Орен, что за чертовщина? Вы же знаете, что мы живем в конце переулка.

– Мы? – Орен приподнял бровь.

«Ошибка», – подумал Уайлд.

– То есть Мэтью. Вам известно, чья это машина. Ну, вы поняли, о чем я.

Орен заглянул в салон. Увидел Мэтью, кивнул.

– Здравсьте, шеф, – сказал Мэтью.

– Откуда едешь, сынок?

– Из Мейнард-Мэнор, – сказал Уайлд.

– Зачем там был?

– Какое вам дело? – задал встречный вопрос Уайлд.

Орен не обратил на него внимания:

– Сынок?

– Я был на вечеринке, – сказал Мэтью.

Теперь Орен внимательно смотрел на него.

– Неважно выглядишь, Мэтью.

– У меня все прекрасно.

– Уверен?

Уайлд не знал, стоит ли рассказывать Орену о происшествии в особняке. Не успел он раскрыть рот, как Мэтью сказал:

– Все нормально, тренер. Мы играли в «Полночный череп».

– Чего?

– Это вроде догонялок. Бегали по двору. Вот почему у меня такой вид.

Орен Кармайкл нахмурился. Взглянул на Уайлда. Тот сделал непроницаемое лицо.

– Зачем ты попросил бабушку помочь с поисками Наоми Пайн? – спросил Орен.

Ага, подумал Уайлд, вот и причина внезапной остановки. Орен хотел прижать Мэтью, когда рядом не будет знаменитых юристов, его матери и бабушки, чтобы получить прямые ответы на свои вопросы.

– Не отвечай, – сказал Уайлд.

Орену это не понравилось.

– То есть?

– Я велел ему не отвечать.

– По закону у тебя нет такого права, Уайлд.

– Ага, сегодня мне про это уже напоминали, и не раз. Но я не позволю допрашивать Мэтью, когда рядом нет его матери.

– Я не знаю, где Наоми, – брякнул Мэтью. – Вот вам и правда.

– Тогда зачем ты попросил бабушку помочь с ее поисками?

– Я просто волнуюсь за нее, ясно? Она перестала ходить в школу и...

– И?

– Мэтью, больше ни слова, – сказал Уайлд.

– И ребята к ней цепляются, вот и все.

– Ребята? И ты цепляешься, Мэтью?

– Ладно, хватит. – Уайлд поднял руку. – Разговор окончен.

– Черта с два...

Уайлд завел машину.

– Заглуши двигатель, сейчас же! – рявкнул Орен.

– Нас в чем-то обвиняют?

– Нет.

– Ну, тогда мы поедem. Если хотите, можете проводить нас до дома.

Но Орен решил их не провожать.

Когда Уайлд свернул на подъездную дорожку Лейлы, дверь дома открылась. На улице было темно, но в прихожей горел свет, и Уайлд увидел в дверном проеме силуэт Лейлы. Она подняла руку, неловко помахала. Когда Уайлд с Мэтью подошли поближе, стало видно, что в руке у Лейлы мобильный телефон.

– Тебе звонят, – сказала она Уайлду. И добавила: – На мой номер.

Уайлд кивнул, взял у нее телефон, поднес к уху.

– Между нами все нормально?

Звонил седой. Уайлд не удивился. Они же видели номерной знак. Такие парни без проблем выяснят, на кого записана машина: имя, адрес, телефоны – домашний и мобильный. Хозяйкой машины была Лейла. На ее номер и позвонили.

– Наверное, – сказал Уайлд.

– Допускаю, что Крах перегнул палку.

– Угу.

– Но ему сейчас несладко. Надеюсь, вы все поймете.

– Пропала девочка, – сказал Уайлд.

– Он ничего про нее не знает.

– Коли так, почему ему несладко?

– По иным причинам.

– Могу я узнать ваше имя? – спросил Уайлд.

– Зачем?

– Затем, что вам известно мое.

– Гэвин Чеймберс, – сказал седой после паузы.

– Охранное агентство Чеймберса? Полковник Чеймберс?

– Да. Отставной полковник.

«Ого», – подумал Уайлд. Мейнарды серьезно относятся к вопросу безопасности. Он хотел было отойти в сторонку, чтобы Лейла не слышала разговора, но по выражению ее лица понял, что лучше этого не делать. Иначе будет скандал.

– Вам известно, как Крах поступил с Мэтью, полковник?

Услышав это, Лейла широко раскрыла глаза.

– В подвале стоит система видеонаблюдения, – ответил Гэвин.

– Значит, вы все видели?

– Видел. К сожалению, этой записи больше не существует. Случайно стерли. Сами знаете, как оно бывает.

– Знаю.

– Вы примете мои извинения?

– Избили-то не меня.

– В таком случае прошу передать мои извинения Мэтью. – Уайлд промолчал. – Я обязан обеспечивать безопасность Мейнардов, мистер Уайлд. Это моя работа. И ставки в ней повыше, чем стычка между подростками.

– Например?

Чеймберс не ответил.

– Я знаю, что вы специалист в своем деле. Как и я. И у меня широкие возможности. Думаю, если между нами вспыхнет конфликт, ничем хорошим он не закончится. Сопутствующего ущерба не избежать. Я понятно выражаюсь?

Уайлд взглянул на Лейлу и Мэтью. Сопутствующий ущерб.

– Я не очень люблю, когда мне угрожают, полковник.

– Никому из нас не хочется провести остаток жизни, постоянно проверяя, нет ли кого за спиной. Верно?

– Верно.

– Поэтому я протягиваю вам руку дружбы.

– Крепковата ваша дружба.

– Согласен. Скорее это предложение разрядить обстановку. Как говорят французы, *détente*¹. Кстати, пистолет можете оставить себе. У нас хватает других пистолетов. Доброй ночи, мистер Уайлд. – И Чеймберс завершил звонок.

– Что это, черт возьми, было? – спросила Лейла.

Уайлд вернул ей телефон. Сегодня ему пришлось решать сразу несколько проблем. С непосредственной угрозой (той, что тревожила его сильнее всего) он вроде бы разобрался. Люди Мейнарда не пустились в погоню. Мэтью дома. В безопасности. Поэтому Уайлд переключился на проблему Наоми Пайн.

Когда Хестер говорила с отцом, тот сказал, что Наоми го-
стит у матери. Это неправда. Очевидно, начинать нужно с
отца Наоми.

– Этот звонок как-то связан с Наоми Пайн? – спросила Лейла.

Мэтью тихонько охнул:

¹ Передышка (*фр.*).

– Ты про это знаешь?

– Все про это знают. После эфира твоей бабушки школа разослала срочное оповещение. Ожили все родительские чаты в соцсетях. Не желаешь рассказать, что происходит? Пожалуйста!

– Желает, – сказал Уайлд и бросил Лейле ключи от машины. – Мне нужно идти.

– Постой. Идти? Куда?

Объяснение затянулось бы надолго.

– Постараюсь вернуться, если ты не против.

– Уайлд?

– Мэтью все расскажет.

Уайлд развернулся и побежал в сторону леса.

Глава десятая

Существует теория – сформулировал ее психолог Андерс Эриксон, а популяризировал Малькольм Гладуэлл, – согласно которой десять тысяч часов практики делают вас экспертом в определенной области. Уайлд считал, что это чушь, но понимал, что подобные попсовые лозунги подкупают своей простотой.

Теперь он бежал по лесу. Глаза уже привыкли к темноте. Правила вроде эриксоновского не учитывают две переменные: интенсивность и вовлеченность. Сколько Уайлд себя помнил, он всегда бегал по лесу. Один. Приспосабливался. Выживал. Это была не практика. Это была жизнь. Врожденный инстинкт выживания. Да, часы имеют значение. Но интенсивность гораздо важнее. Представьте, что у вас нет выбора. Одно дело, если ты бегаешь по лесу веселья ради или для того, чтобы порадовать своего папашу. Другое – когда ты стоишь перед выбором: изучить лес как свои пять пальцев или умереть. Вот она, настоящая вовлеченность. Когда человек пробует понять, каково это – быть слепым, он завязывает глаза. Нет уж, извините, это не то же самое, что ослепнуть. Повязку всегда можно снять. Это дело добровольное и потому безопасное, в такой ситуации ты сам себе хозяин. Некоторые тренеры говорят детям: играйте так, словно от исхода игры зависит ваша жизнь. Неплохой мотивационный совет,

но если это не так — а это не так, — нужной интенсивности не добиться. Реальная угроза — совсем другое дело.

Взять, к примеру, чемпионов. Для них вопрос жизни и смерти стоит лишь в воображении. А теперь представьте, какие результаты они показали бы, будь эта ставка всамделишной.

Хотя зачем представлять. Просто взгляните на бегущего по лесу Уайлда.

На подходе к дому Пайнов он заметил патрульную машину и три фургона с логотипами местных телестанций. Безумного оживления не было, ведь это не главная новость года, но телевизионщики, очевидно, смотрели передачу Хестер. А копы, в свою очередь, попросили их припарковать фургоны в квартале от дома. У двери дома Пайнов стоял Орен Кармайл. Он говорил с каким-то мужчиной — по всей видимости, отцом девочки, Бернардом Пайном. У отца был расстроенный вид — похоже, не из-за дочери, а из-за вторжения СМИ и полицейских. Он бешено жестикулировал, а Кармайл то и дело поднимал ладони, чтобы Пайн утихомирился.

Телефон Уайлда завибрировал. Дважды. Пришла эсэмэска. Взглянув на экран, Уайлд увидел, что сообщение прислала Ава О’Брайан:

Нашел Наоми?

Отвечать ему не хотелось. Но сейчас нужно было ответить. «Еще нет».

Пауза. По экрану запрыгали точки. Затем пришло новое

сообщение от Авы:

Заходи в гости. Я не буду запира́ть дверь.

Снова точки:

Уайлд, я соскучилась.

Он сунул телефон в карман. Неприятно было отвечать молчанием, но Ава поймет, что́ он хотел сказать.

Уайлд выбрался из леса. Вжимаясь в траву, пополз к соседнему двору. Его никто не заметил. Вставать он не стал. Отец Наоми сказал Орену все, что хотел сказать, и захлопнул дверь. Несколько секунд Орен не двигался с места, словно ожидал, что дверь откроется снова. Когда этого не произошло, он развернулся и направился к машине. Там его ждал еще один коп, гораздо моложе Орена.

– Не подпускай прессу, – сказал Кармайл.

– Хорошо, шеф. Мы входим?

– Входим? – Орен нахмурился.

– Ну, чтобы обыскать дом.

– Отец утверждает, что она в безопасности.

– Но по телевизору сказали...

– Это ничего не доказывает, – отрезал Орен. – Гони журналистов прочь.

– Есть, шеф.

Когда парнишка ушел, Уайлд решил, что можно показаться. Выпрямился и пошел к машине. На сегодня ему хватило стрессов, поэтому он, оказавшись в поле зрения, окликнул:

– Орен?

Кармайкл обернулся. Увидел, кто его зовет. Снова нахмурился:

– Уайлд? А ты откуда взялся?

– Что отец сказал по поводу Наоми?

– По-моему, это не твое дело.

– Вы же знаете, что он солгал, когда говорил с Хестер?

– Ну на кой черт Хестер тебя в это втянула? – вздохнул

Орен Кармайкл.

– Отец сказал ей, что Наоми у матери.

– Может, так и есть.

– Вам он это же сказал?

– Он сказал, что дочь в безопасности. И попросил меня не вмешиваться в ее частную жизнь.

– Так вы и поступите?

– Ни мать, ни отец не заявили о пропаже ребенка.

– И что?

– А то, что уже почти полночь. Хочешь, чтобы я вышиб дверь?

– Не исключено, что Наоми в опасности.

– Думаешь, отец убил ее или что?

Уайлд не ответил.

– Вот именно. – Видно было, что Орен страшно устал от всего этого. – Девочка уже сбегала, и не раз. Знаешь, какое мое мнение? На сей раз то же самое.

– Может, случилось что похуже.

Орен скользнул за руль.

– Если так, в конце концов мы все узнаем. – Он поднял глаза. – Ступай домой, Уайлд.

И уехал, а Уайлд вернулся в лес. Остановился за первым же деревом и нацепил тонкую черную маску, закрывшую все лицо, кроме глаз. Он всегда носил с собой эту маску. Сегодня видеокамер больше, чем людей. Может, это и преувеличение, но черт знает, где напорешься на камеру. В нынешнем мире, где все как на ладони, Уайлд всегда был готов защитить свою приватность. Был у него такой пунктик.

Когда патрульный автомобиль Орена скрылся из виду, Уайлд обошел дом Пайнов и оказался на заднем дворе. На кухне, в подвале и в одной из спален на втором этаже горел свет. Ребенком Уайлд множество раз пробирался в приозерные домики и на летние дачи. Научился внимательно осматривать их со всех сторон, проверять подъездные дорожки и окна. Смотреть, нет ли кого дома. Чтобы проникнуть внутрь, он искал незапертую дверь или окно (вы удивитесь, узнав, как часто люди забывают запереть двери и окна), а если это не удавалось, прибежал к другим средствам. Если замки были слишком прочными или система сигнализации слишком сложной, юный Уайлд искал другой дом. В большинстве случаев он, даром что ребенок, не оставлял никаких следов своего пребывания. Если, к примеру, спал на кровати, на следующее утро не забывал привести ее в первозданный вид. Если ел продукты или воровал какие-то припасы, то всегда брал в

меру, чтобы хозяева домика ничего не заметили.

Неужели кто-то научил его всем этим премудростям в раннем детстве, о котором Уайлд ничего не помнил? Или он действовал по инстинкту? Сам Уайлд не мог этого понять. В конце концов, человек – тот же зверь. А зверь выживает как может.

Вот и все, ничего сложного. Наверное.

В кармане зажужжал телефон – одноразовый, с предоплатой, настроенный под нужды хозяина. Уайлд пользовался только такими аппаратами и менял их раз в неделю, максимум в две. Ночью он выключал телефон. С собой его не носил: знал, что даже если телефон выключен, его можно отследить. Поэтому обычно оставлял его в металлическом ящичке у дороги.

Звонила Хестер.

– Ты у Лейлы?

– Нет.

– А где?

– Осматриваю дом Наоми.

– У тебя есть план?

– Есть.

– Расскажи.

– Поверьте, эта информация вам ни к чему, – сказал он и нажал на кнопку отбоя.

Подошел поближе к дому. Сейчас повсюду лампы с датчиками движения. Если такая стоит и у Пайнов, Уайлд просто

убежит в лес. Ничего страшного, все по-честному. Но свет не зажегся. Это хорошо. Уайлд держался поближе к дому. Когда ты у самой стены, меньше вероятность, что тебя заметят.

Он заглянул в окно кухни. Отец Наоми, Бернارد Пайн, сидел за столом и нервно возился с телефоном. Уайлд завершил обход дома, заглядывая в окна первого этажа. Никакого движения. В доме никого, кроме Пайна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.